

АЗИАТСКАЯ ДОЧЬ ЕВРОПЫ

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКАЯ УРБАНИСТИКА»

Фарид Асадуллин

АЗИАТСКАЯ ДОЧЬ ЕВРОПЫ:

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ
МОСКВЫ КАК ИСТОРИЧЕСКОГО
ГОРОДА

Москва
2025

УДК 94 (470–25)
ББК 63.3(2) 6–7
А 90

Ответственный редактор: доктор исторических наук,
академик РАН В. В. Наумкин

Асадуллин Фарид

А 90 Азиатская дочь Европы: этнокультурный портрет Москвы как исторического города / Ф. Асадуллин. — М.: Издательство «Кучково поле», 2025. — 104 с.: ил. — (Историческая урбанистика)

ISBN 978-5-907813-18-2

Имеющая особый столичный статус и символическое значение в сознании граждан страны Москва всегда привлекала и продолжает привлекать внимание отечественных и иностранных ученых и писателей своей богатой историей. Российская столица — издавна сложившийся центр культурных, духовных и социальных традиций евразийских народов страны, своего рода «точка сборки» и одновременно «место силы» огромного многонационального государства. Пробудившийся в последние годы научный интерес к историческому прошлому страны и ее древней столицы позволяет комплексно подойти к рассмотрению характера ее многообразных преемственных связей не только с христианским Западом, но и мусульманским Востоком.

Представленный в книге краткий очерк древней и современной Москвы формулирует новую научную парадигму изучения столицы как исторического многонационального города.

Asadullin Farid

The Asian Daughter of Europe: an ethnocultural portrait of Moscow as a historical city. — Moscow. Publishing House “Kuchkovo polye”, 2025. — 104 p. — (Historical urban studies)

Having a special metropolitan status and symbolic significance in the minds of Russians, Moscow has always attracted and continues to attract the attention of both domestic and foreign scientists and thinkers with its rich and unique history. The Russian capital is a long ago established center of cultural, spiritual and social traditions of the Eurasian peoples of the country, a some kind of “assembly point” and at the same time a “place of power” of a huge multinational state. A new wave of scientific interest aroused in recent years in the historical past of the country and its ancient capital allows a comprehensive approach to the nature of its diverse succession ties not only with the Christian West, but also the Muslim East.

The brief outline of ancient and modern Moscow presented in this book formulates a new scientific paradigm for studying the Russian capital as a historical multinational city.

УДК 94 (470–25)
ББК 63.3(2) 6–7

ISBN 978-5-907813-18-2

© Асадуллин Ф. А., текст, 2024
© ООО «Издательство «Кучково поле», макет, оформление, 2025

ВВЕДЕНИЕ

Город — единство непохожих.

Аристотель

История любого древнего города — это подробный синопсис истории всей страны, во всяком случае ее главных вех и событий. История Москвы как микрокосм огромного многонационального государства, возникшего в раннем Средневековье на территории Северо-Восточной Евразии (точнее Восточно-Европейской равнины), способна отразить глубину и особенности российской цивилизации (или, как сейчас принято считать, «государства-цивилизации»¹), имеющей на сегодняшний день один из самых гетерогенных генофондов в мире². Складывание представления о месте и значении Москвы изначально связано с формированием Российского государства, а именно с историей Московского княжества и затем с середины XVI в. Московского царства. Являясь одним из самых значимых вех истории России, период существования Московского княжества / Московского царства (или обобщенно Московии) составляет

¹ О дискуссионном характере этой дефиниции см.: Наумкин В. В. Модель не-Запад: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 78–93.

² На территории России зарегистрировано более 190 коренных народов страны. На полиэтничность как неизменную константу российской истории, в эпицентре событий которой практически всегда была Москва, обращали и обращают внимание все отечественные ученые, начиная от автора первой «Истории Российской» В. Н. Татищева (1686–1750) до «Истории России в 20 томах» коллектива ученых Института российской истории РАН.

важную часть современной исторической (культурной) памяти граждан страны, комплексно соединяя знание о древней столице с сегодняшним днем столичного мегаполиса и Российского государства в целом. В раннее опубликованных нами работах¹, написанных в рамках междисциплинарного синтеза, была предпринята попытка сформулировать основные критерии изучения исторического генезиса Москвы как многонационального города с бытованием и одновременным сосуществованием в нем разных этноконфессиональных традиций. Настоящая работа, подводя итог работам прошлых лет по указанной проблематике, призвана закрепить новую научную парадигму изучения истории Москвы как многонационального города и как одного из цивилизационных центров евразийской ойкумены.

Исторические города являются своеобразными аккумуляторами прошлого человечества, в них через длящийся веками диалог разных культур и религиозных традиций кристаллизуется архетип каждой известной нам цивилизации. Сравнивая город с «огромным социальным реактором», в котором сталкиваются и вступают в диалог различные национальные культуры и традиции, академик В. П. Толстой (1923–2016), уточняет:

«Когда общими взлядом окидываешь многовековую историю человечества, приходишь к выводу, что неуклонное стремление людей собираться в крупные городские поселения было оправданным и закономерным...», поэтому город является „порождением именно человеческой цивилизации”»².

¹ Асадуллин Ф. А. Москва мусульманская. М., 2004; он же. Многонациональный мир Москвы: от города к мегаполису. М., 2014; он же. Мир ислама в общественно-культурном пространстве Москвы: опыт прошлого и современность. М., 2015; он же. От Кучки до Гайнутдина: мусульманский мир Москвы. М., 2022; он же. Восток в историческом наследии Москвы. М., 2023.

² Толстой В. П. Города в истории мировых цивилизаций // Города мира — мир города. Коллективная монография. М., 2009. С. 11–12.

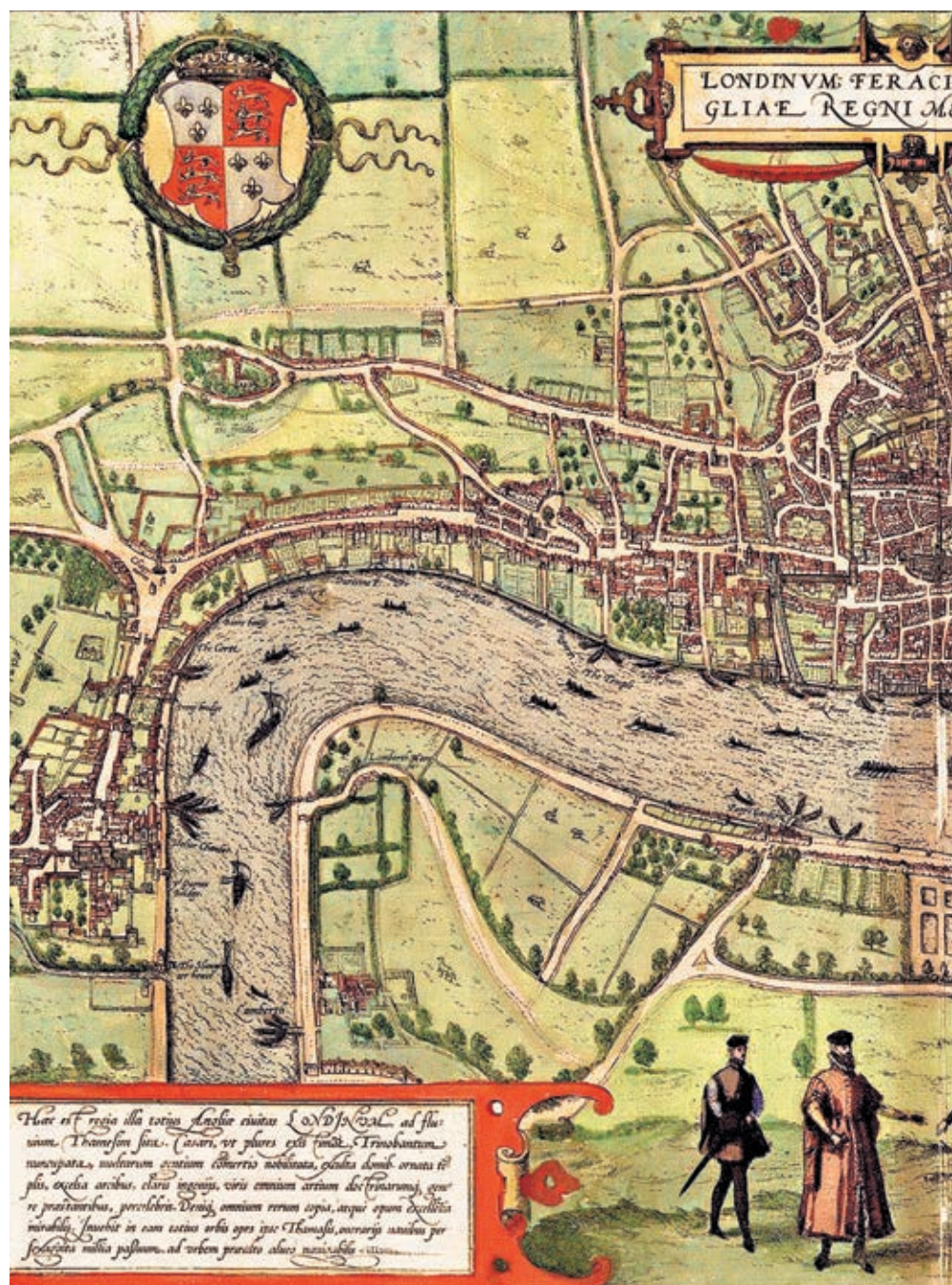
Пьетро дель Массайо. Карта Рима. 1469 г. Миниатюра на пергаменте

Карта Рима. XV в.

diene Anna a borigine mudi
ermille. it.° Lxxiij. anno

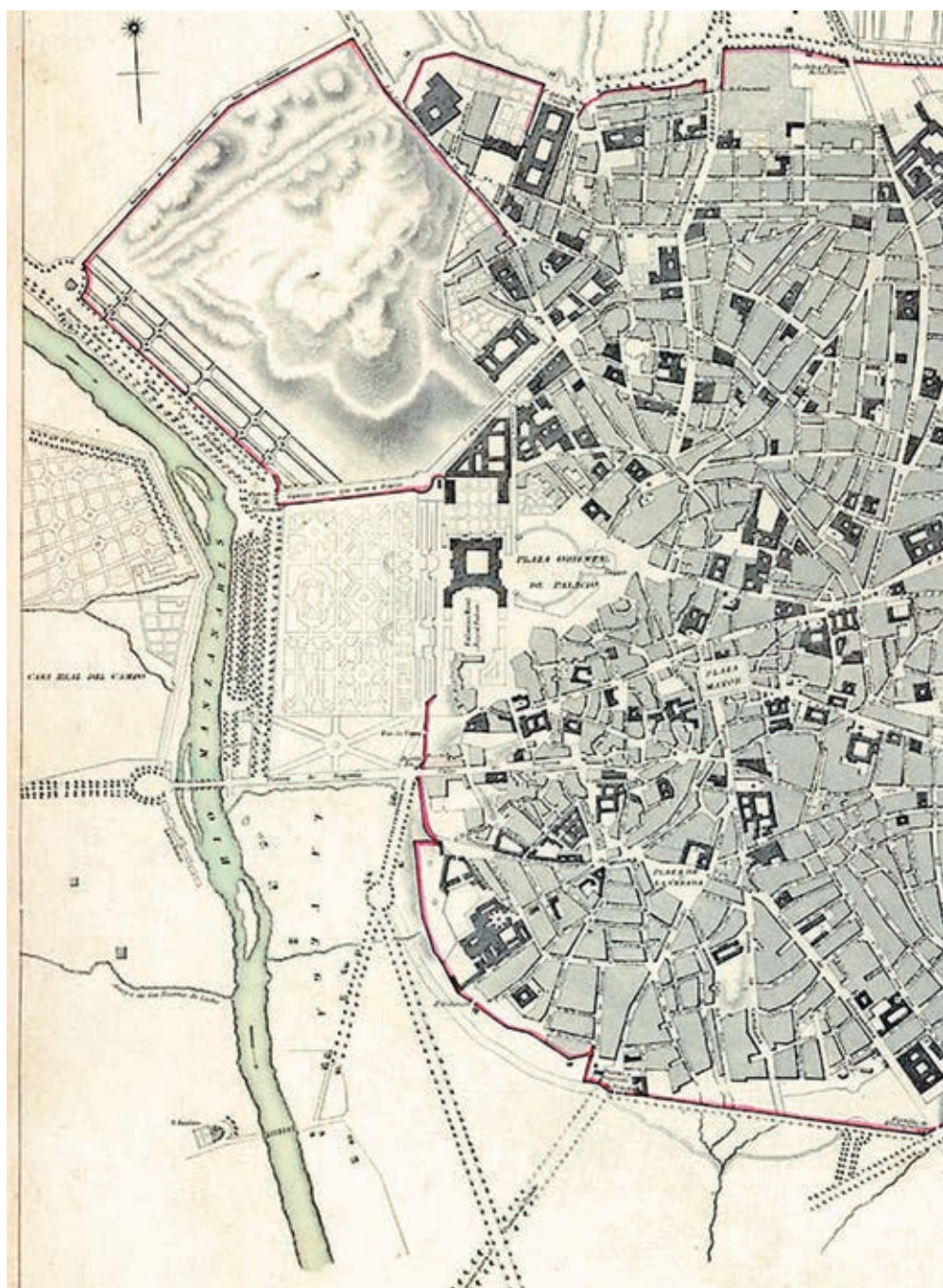
Карта Лондона. XV в.

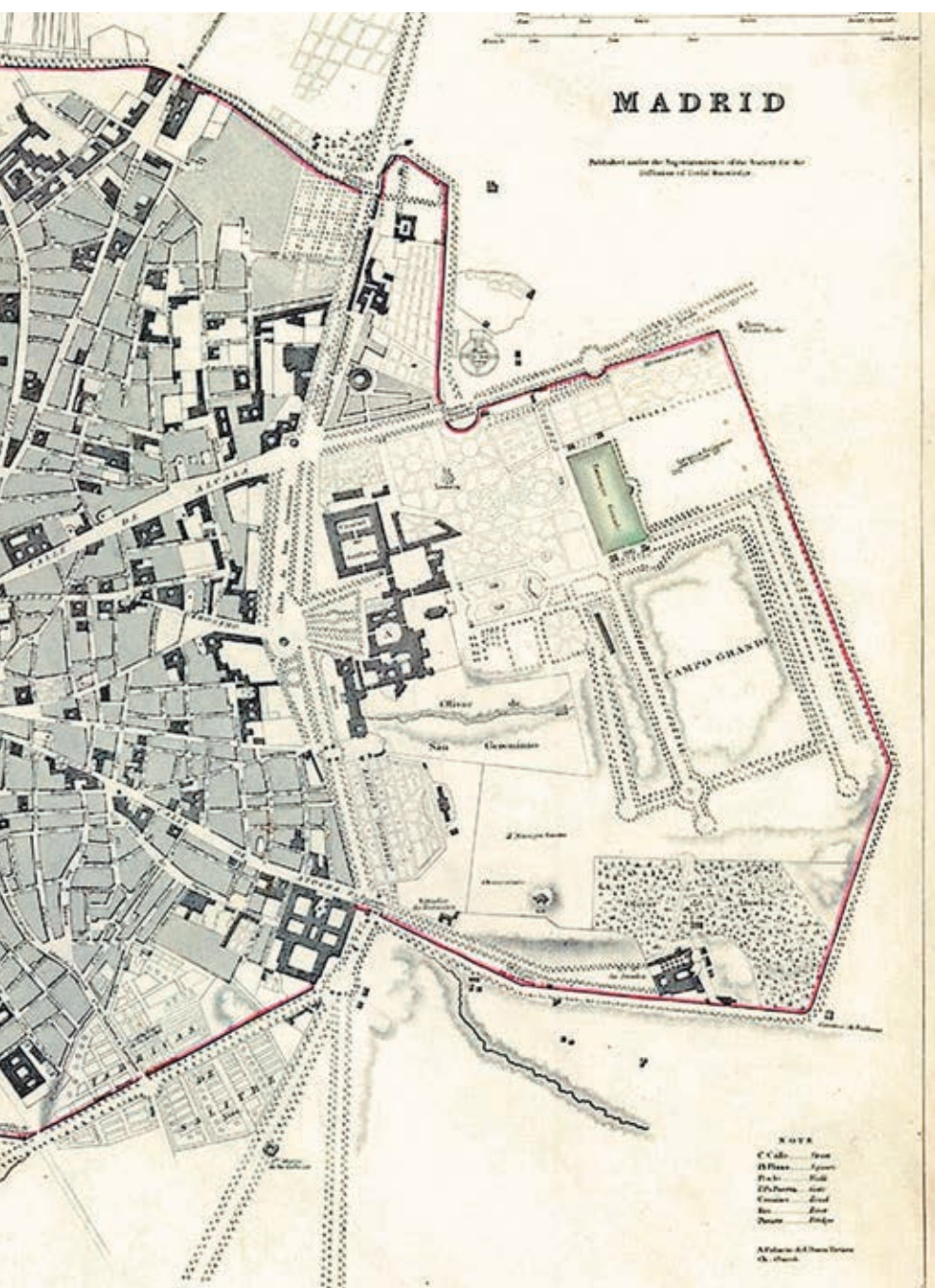

Карта Мадрида. 1705 г.

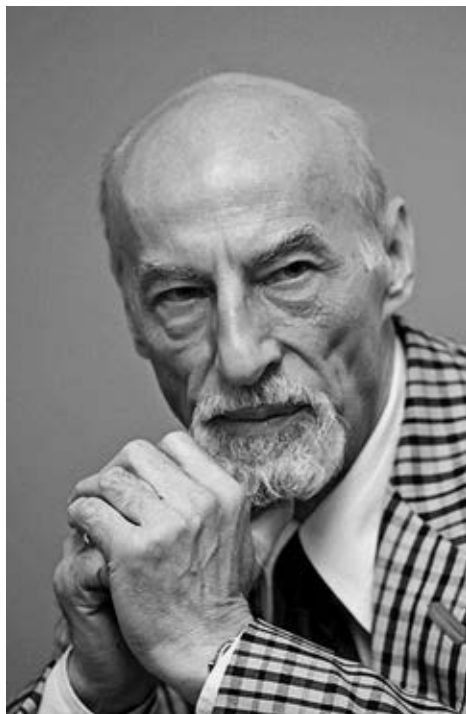

Карта Мадрида. 1831 г.

Образ Рима как *aeterna urbs* — «вечного города», воссозданного Титом Ливием (59 г. до н. э.) в его знаменитой «Истории Рима от основания города», — прекрасная иллюстрация истоков формирования европейской цивилизации, один из главных очагов которой почти три тысячелетия назад возник на Апеннингах и послужил началу складывания не только итальянского государства, но и ряда других государств Европы. Многие европейские столицы и большие города, возникшие на месте древнеримских поселений (Лондон, Марсель, Кельн) или испытавшие, например, зна-

В. Л. Глазычев

чительное влияние арабо-мусульманской материальной и духовной культуры (Мадрид, Севилья или Лиссабон) демонстрируют следы многообразного материально-культурного наследия, порой одинаково ментально близкого как Востоку, так и Западу¹.

Изучение вопросов «максимально широкого горизонта мусульмано-европейской идентичности» населения Старого Света равно как его «дуальной [исламо-христианской. — Ф. А.] конфессиональной идентичности» сегодня находятся в центре внимания исследований известных российских ученых историков².

В Международной хартии по охране исторических городов подчеркивается «универсальность феномена города как особого

¹ Уотт У. М. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1972; Lewis B. Islam and the West. Oxford University Press. 1993.

² Варьяш И. И. Мусульманская Европа. Сигналы идентичности. СПб., 2020. С. 145; Шукуров Р. М. Тюрки в византийском мире. 1204–1461. М., 2016.

продукта истории человечества»¹. Рассуждая о типологии современных больших городов — мегаполисов, известный российский публицист и культуролог В. Л. Глазычев (1940–2012) отмечает:

«Среди мегаполисов нашего времени ясно обозначились два типа: одни — постепенно, исторически сложившиеся, такие как Лондон, Париж, Рим, Мехико, Москва, другие — более новые, возникшие недавно, например, Нью-Йорк, Шанхай, Токио, Гонконг, Сингапур. Мегаполисы первого типа склонны расползаться вширь, захватывая окрестные пространства. Мегаполисы второго типа, не имеющие такой возможности, принуждены более рационально обустройства городскую жизнь на ограниченном пространстве»².

Тема «расползания вширь» Москвы — пространственного, историко-культурного и демографического — составляет одно из главных направлений нашего исследования, соединяя московскую древность с сегодняшним днем столицы.

В состав формируемого на основе Парижской конвенции ЮНЕСКО (1972 г.) Списка Всемирного наследия входит более 200 городов, расположенных в разных частях света. Согласно этому документу они подразделяются на древние города или городища (часто ныне уже необитаемые) — Помпеи, Сарай, Лептис Магна или Вавилон, более относящиеся к археологическому наследию, а также «обитаемые и продолжающие развиваться и осуществлять свою социально-экономическую и культурную роль». К их числу наряду с Афинами, Стамбулом, Лондоном или Каиром относится Москва как исторический город мирового значения, который в свои современные границы включил практически

¹ Цит. по: Крогиус В. Р. Исторические города России как феномен ее культурного наследия. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 14.

² Глазычев В. Л. От традиционной формы города — к мегаполису // Города мира — мир города: коллективная монография. М., 2009. С. 14.

Карта Московии. 1549 г. Из книги Сигизмунда Герберштейна

Rosowitzer land mit sampt den an-
nach rechter Geographi-
schreiben.

План Москвы. 1597 г. («Петров чертеж»)

Москва, столичный город всей Белой Руси. 1610 г.

все, что называлось, по словам путешественника Амброджо Контарини (1429–1499), Terra di Moscovia — Московией / Московским княжеством, состоявшим из Кремля (castello) и остального города (il resto della terra)¹. Через три столетия другой венецианец, известный итальянский путешественник и писатель Джакомо Казанова (1725–1798) в труде «История моей жизни», обобщая свои богатые впечатления о московском быте и нравах его жителей, охарактеризовал ее словами:

Джакомо Казанова

«Москва держится прошлого: это город преданий и воспоминаний, город царей, дочь Азии, весьма удивленная, что находится в Европе»².

Вынесенное в название книги «Азиатская дочь Европы» (что а прогос эквивалентно или адекватно «Европейская дочь Азии») призвано зафиксировать внимание читателя на историко-культурных особенностях и характере Москвы как сущностно важного места геодивилизационного транзита между Азией и Европой.

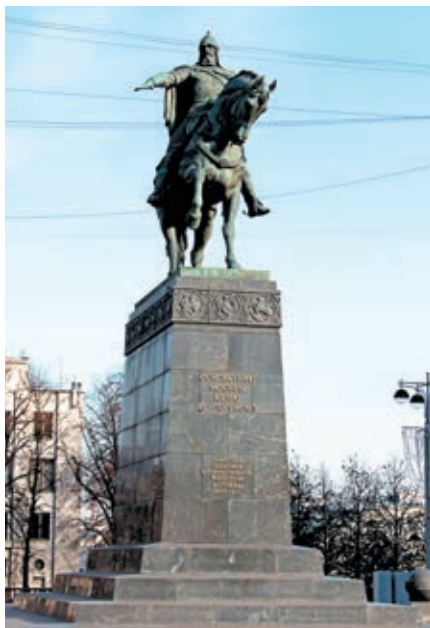
В памятнике русской книжности «Повесть о зачале Москвы» (она сохранилась в четырех вариантах) анонимный сочинитель XVII в. задается риторическим вопросом:

¹ В своем «Путешествии в Персию» (Viaggio in Persia) под Terra di Moscovia этот знатный венецианец, посетивший Москву эпохи Ивана III, рассматривал все пространство, которое раскинулось за стенами белокаменного Кремля (См.: Контарини А. Путешествие посла Венецианской республики к знаменитейшему персидскому государю Узун Гассану // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836).

² Казанова Дж. Мемуары. СПб., 1887. С. 218–219.

«Кто знал, что в Москве царством быти, кто ведал, что Москве юсударством слыти?»¹

как бы предвосхищая интригу будущего конфликта между первыми официально зарегистрированными летописной традицией жителями московского края — боярином Кучкой и великим князем Юрием Долгоруким. Поиск ответа на этот вопрос породил разные — от легендарных до вполне исторически правдоподобных — версии причин как возникновения, так и понимания характера и особенностей Русского государства и его древней столицы. Исследованию и описанию прошлого столицы посвящены сотни томов и книг, авторами которых являются российские и зарубежные ученые и мыслители, обращающиеся к рассмотрению разных аспектов московского бытия. Этот интерес каждым годом только растет.

Памятник князю Юрию Долгорукому в Москве

Среди этих имен особое место занимает А. С. Пушкин, «наше все» и «глашатай великих истин», жизнь которого с рождения тесно связана с Москвой. По его словам,

«Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой... история ее требует другой мысли, другой формулы»².

¹ Цит. по: Николаев А., Николаев П. Впервые в Москве: от долетописных времен до конца XVI в. М., 2022. С. 21.

² Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6: Статьи и заметки 1824–1836 гг. С. 324.

Поиски «другой формулы» — суть деятельности многих поколений российских интеллектуалов. «Кто был в Москве, знает Россию» — делал многозначительный вывод официальный историограф эпохи Александра I Н. М. Карамзин, подробно описавший позднее в своей «Истории» противоречивый характер российской действительности: с момента зарождения древнерусской государственности в 862 г. до событий Смутного времени. Он утверждал, что

«Москва будет всегда истинною столицею России. Там средоточие царства, всех движений торговли, промышленности, ума гражданского. Москва непосредственно дает губерниям и товары, и моды, и образ мыслей. Ее полуазиатская физиономия, смесь пышности с неопрятностью, огромного с мелким, древнего с новым, образования с грубостью представляют глазам наблюдателя нечто любопытное, особенно характерное...»¹

Гостивший в 1839 г. в Москве как «отставной столице» знатный иностранец, французский литератор Астольф де Кюстин (1790–1857), осознавая ее очевидную непохожесть на знакомые ему европейские города и Санкт-Петербург, оставил такой комментарий:

«Гостеприимные обычаи древней Азии и изящные манеры цивилизованной Европы назначили здесь друг другу свидание»².

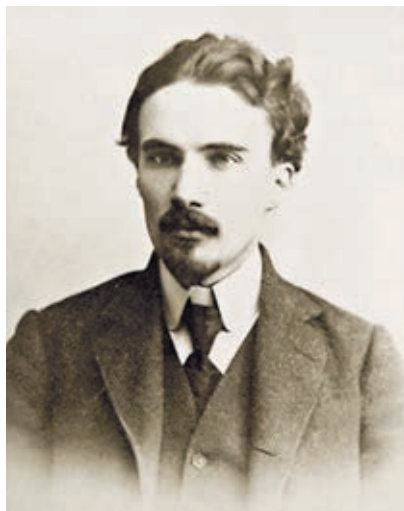
Это «цивилизационное свидание» Азии и Европы, обрастая новыми историческими фактами и событиями, продолжается и сегодня, в XXI в., в эпоху глобального «поворота на Восток».

¹ Карамзин М. Н. Записки о московских достопамятностях. СПб., 1835 С. 264.

² Кюстин А. де. Николаевская Россия. М., 1990. С. 14.

Астольф де Кюстин

Г. П. Федотов

Стремясь преодолеть дихотомию Восток — Запад и примирить славянофилов с западниками, А. Герцен в «Былое и думы» (четвертая часть 30-й главы) размышляет о некоем загадочном «сфинксе русской жизни», как прообразе особой и уникальной страны, в которой есть место и мечтам о европейской будущности России, и констатации того, что *«Москва превратилась в своего рода Северный Китай»*. Эта двойственность России, полагал он,

«помимо всего прочего, заключается и в том, чтобы стать великим караван-сараям цивилизации между Европой и Азией»¹.

В начале XX в. мысли об особой исторической миссии России и ее первой столицы привлекали внимание историков культурно-философского течения евразийской школы («евразийцев»), последовательно доказывавших в своих трудах вслед за Герценом тесную связь русской ментальности с азиатской.

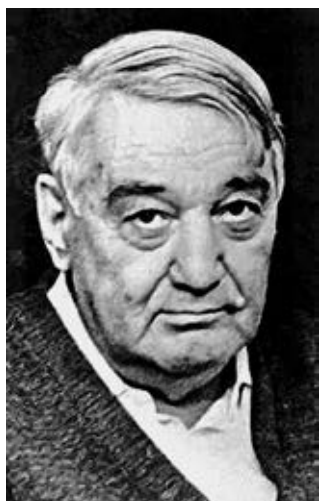
¹ Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 7. М.: Издательство АН СССР, 1954. С. 156.

«Невозможно помыслить русскую историю без монгольской истории», —

полагали многие евразийцы, начиная от князя Н. С. Трубецкого (1890–1938)¹ до историка Г. В. Вернадского (1887–1973)². В их работах присутствует идея о России-Евразии как цивилизационного континента, равноправного Европе.

Уроженец Саратова (от *тат.* «сары тау» — «желтая гора»), известный русский религиозный мыслитель Г. П. Федотов (1886–1951), пространно рассуждая о «побегах [на местной почве. — Ф. А.] русско-туранского дерева», резюмировал:

«В сущности Азия предчувствуется уже в Москве. Европеец, посетивший ее впервые, и русский, возвращающийся в нее из скитаний по Западу, остро пронзены азиатской душой Москвы»³.

Л. Н. Гумилев

Подробной трактовке взаимоотношений славянских и туранских народов, живших в общем пространстве с древней Московией посвящена научная деятельность «последнего евразийца» Л. Н. Гумилева (1912–1992), предложившего в исторической науке принципиально новые для своего времени исследовательские методы⁴. Их развитие и детальное изучение наблюдается в многочисленных трудах его последователей как ученых, так и политиков на всем пространстве СНГ. В них подчеркивается особая роль

¹ Трубецкой Н. С. К проблеме русского самопознания // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 112–115.

² Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М., 2002. С. 53.

³ Федотов Г. П. Три столицы // Новый мир. 1989. № 1–2. С. 209–217.

⁴ Гумилев Л. Н. От Руси к России. М., 2007.

Москвы как одного из главных общественно-политических центров евразийской интеграции¹.

Евразийские сюжеты московской истории воодушевляют исследователей и сегодня. Они неожиданно напомнили о себе осенью 1993 г., когда столица отмечала 500-летие Арбата. На культурных мероприятиях, посвященных юбилею улицы, ученые-краеведы во главе с «главным москвоведом» С. О. Шмидтом (1922–2013), помимо прочих актуальных для столицы тем и урбанистических (футурологических) проектов (например, *Arbat macht frei* — Арбат делает [человека] свободным)², обсуждали разные лингвистические версии происхождения названия Арбат: либо от тюркского «арба» — телега, либо от арабского «рибат» (мн. ч. «арбат») — предместье, пригород, караван-сарай.

Рубеж XX–XXI вв. можно считать расцветом академического москвоведения, объединившего большое число краеведов и историков. Из ряда заслуживающих упоминания имен ограничимся здесь указанием на два. Оставивший у коллег и учеников благодарную память крупнейший археолог А. А. Формозов (1928–2009) придерживался в исследовании первых жителей московского края теории миграционизма. Ссылаясь на результаты полевых исследований, он аргументированно доказывал, что

«в Подмоскovie жили племена самого разного происхождения, между ними шло смешение и искать здесь чистый расовый тип совершенно безнадежно»³.

¹ Титаренко М. Л. Евразийство как парадигма сосуществования и расцвета многообразия культур и цивилизаций // Евразийская интеграция. Вып. 1. СПб., 2014. С. 27–28.

² Аллюзия на известную немецкую поговорку «*Stadtluft macht frei*» — «Городской воздух делает свободным», отражающую средневековую специфику переселения немецких крестьян в города.

³ Формозов А. А. Исследователи древностей Москвы и Подмоскovie. М., 2007. С. 68.

Академик Л. В. Милов (1929–2007) в своем фундаментальном исследовании на основании анализа большого фактического материала делал обоснованный вывод о том, что

«Москва всегда была средоточием всех важнейших функций российского социума»¹.

Наконец, в контексте этого короткого обзора уместно вспомнить яркие и запоминающиеся идеи о постперестроечной Москве еще одного выдающегося ученого — известного философа и писателя А. А. Зиновьева (1922–2006), который, рассуждая о месте новой России и ее столицы («городе банкиров и брокеров») в — «глобальном человеичнике» — современном постиндустриальном (информационном) обществе категорично утверждал:

«Для меня только одно место в мире есть столица: это Москва!.. Все остальное для меня есть провинция. Москва есть столица не просто государства. Она есть столица истории»².

Эту оценку, принимая во внимание заметно возросшую роль и значение Москвы не только как одного из «глобальных городов», но и мировых центров хода человеческой цивилизации и международной жизни и политики, сегодня, в начале третьего десятилетия XXI в., можно считать оправданной и в известном смысле пророческой.

Обобщая эти мнения, принадлежащие известным деятелям русской и зарубежной истории и культуры, можно прийти к выводу, что Москва представляет историческую проекцию российской и, возможно (если не игнорировать точку зрения Зиновьева), мировой цивилизации во всем их социокультурном разнообразии.

¹ История России XVIII–XIX вв. Т. 2. М., 2006. С. 11.

² Зиновьев А. А. Глобальный человеичник. М., 1997. С. 67.

I. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Исследование критериев градообразования и формирования городской культуры долгое время находилось на периферии интересов российской исторической науки. Приоритет в разработке «городской» проблематики принадлежит академику М. Н. Тихомирову (1893–1965), который, констатируя запущенность этой области гуманитарного знания, отмечал:

«Щеётно мы стали бы искать хотя бы параграфа о городской культуре в наших общих и специальных изданиях. Город и его культурная жизнь выпали из поля зрения историков и историков культуры...»¹

Начиная со второй половины XX в., изучение широкого контекста истории города, во многом благодаря статьям и работам самого М. Н. Тихомирова и его учеников, приводит к формированию особого направления исторической науки — исторической урбанистики. Являясь междисциплинарной областью гуманитарного знания, она сегодня по праву составляет важнейшую отрасль современной отечественной науки и культуры.

Осмысление прошлого любого города с «длинной», как у Москвы, летописной родословной, в зависимости от мировоззренческих установок автора-исследователя, предполагает разный угол зрения на проблему и, соответственно, многовариантность (амбивалентность) осмысления и изложения доступного истори-

¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 261.

Н. М. Карамзин

ческого материала. Н. М. Карамзин, придерживавшийся критического взгляда на исторический процесс, утверждал:

«История не роман, не мирный сад, где все должно быть приятно, она изображает действительный мир».

П. Чаадаев, называя историю «ключом понимания народов», подчеркивал, что необходимо учиться *«говорить с веком – языком века, а не устаревшим языком догмата»*, то есть, расширять и углублять представление о нем, учитывая увеличивающийся объем знаний о предмете исследования. Обращаясь к истории России, он в «Первом философском письме» (1829) приходил к выводу:

«Мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку»¹.

Представитель французской школы «Анналов», историк М. Фуко (1926–1984), в рамках созданной им теории гетеротопии, отражающей смысловую многогранность понимания того или иного жизненного пространства, предложил альтернативное описание исторических событий прошлого. *«В мире нет ни одной культуры, которая не создавала бы гетеротопий. Это константа для всего человечества»².*

¹ Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избранные письма: в 2 т. Т. 1. М., 1991. С. 320–338.

² Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М., 2006. С. 197.

Происходящее «в начале третьего тысячелетия в гуманитарном знании обновление способов историзирования и историрования...» — отмечают авторы монументального исследования о мировой исторической культурологии, — ознаменовало «переход от социально-структурной истории к истории ментальностей»¹. иными словами, от «дескриптивной» истории последовательных хронологических событий человечества к истории, отвергающей «унификационные модели» и опирающейся на критерии научного (критического) плюрализма. Характеризуя интеллектуально-коммуникационное пространство гуманитарного знания, западный исследователь Патрик Хаттон указывает на объективный процесс «дробления традиций», что рождает альтернативные, основанные на плюрализме научных подходов, представления о прошлом². За интегративные методы научного познания ратует российский исследователь А. Аликберов, доказывая актуальность введения в современный историографический дискурс «многомерного системно-коммуникационного подхода».

«Следуя за установками "новой исторической науки" парадигма многомерности возвращает личность человека в центр исторического исследования, — отмечает автор, — поднимая тем самым вопросы репрезентации не только информационной, цифровой или коммуникативной истории, но и исторического пространства и времени...»³

Современная историческая урбанистика (urban studies), следуя логике этих новаторских методов научного познания, может предложить десятки разножанровых сочинений: от сугубо академических и постмодернистских до беллетризованных

¹ История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. С. 8–9.

² Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2004. С. 15.

³ Аликберов А. К. Человек и история в цифровую эпоху. Многомерный подход. М., 2023. С. 659.

и художественно-популярных вариантов описания мировых городов — Афин, Парижа, Мадрида или Венеции. Среди них есть как ставшие для каждой национальной культуры давно «классическими», так и до самых последних по времени выхода в свет, датируемые первыми десятилетиями XXI в. Например, истории одного из старейших городов Западной Европы Лондону посвящены целые собрания книг и монографий английских и иностранных авторов, начиная с сочинения первого летописца Лондона Джеймса Босуэлла (1763) и до, возможно, самого известного на сегодняшний день, многократно переиздававшегося обстоятельного описания английской столицы Генри В. Мортон¹. Современник и соотечественник Мортон известный ученый историк Эдвард Карр, осознавая безбрежные границы научного изучения предмета исследования, по этому поводу остроумно выразился:

«Прежде чем изучать историю, изучите историка»².

Перейдем к Москве. Рассматривая Москву как синоним России, Н. М. Карамзин в своей «Истории» афористично сформулировал ее историческую особенность в следующей сентенции:

«Москва обязана своим величием ханам».

Развивая этот тезис и аргументируя тесную связь Российского государства с азиатской цивилизацией Востока, он попытался диалектически показать pro et contra монгольского нашествия и «татарского» (золотоордынского) периода русской истории. Влияние обозначенных Карамзиным идей можно проследить в трудах следующего поколения историков Москвы и шире Московии / России. Можно отметить несколько принятых учеными подходов описания Москвы как исторического города:

¹ Morton H. V. In search of London. 1951.

² Carr E. H. What is History. L., 1964. P. 44.

наряду с классическими для своего времени трудами религиозных мыслителей (славянофилов) М. Н. Загоскина (1789–1852) много-томным «Москва и москвичи» (1842–1850) или И. Е. Забелина (1820–1908) «Истории города Москвы» (1902, 1905) существует написанная под грифом Академии наук СССР и не потерявшая своей актуальности по сей день фундаментальная в шести томах «История Москвы» (1952–1959) и ее сокращенные версии¹. В нее вошли исследования академиков С. В. Бахрушина (1882–1950), М. Н. Тихомирова (1893–1965), М. М. Герасимова (1907–1970), В. Т. Пашуто (1918–1983) и многих других историков XX в., имена которых указаны в предисловии и словнике к изданию. Все три названные работы при всей их разной идейно-концептуальной направленности, научном содержании и жанровом исполнении начинаются с указания на Ипатьевскую летопись (XII в.), где фигурирует топоним «Кучково», как первое летописное название Москвы. С констатации этого исторического факта об основании Москвы начинается изложение большинства известных московских летописаний.

«...К какому бы времени повести ни относили создание Москвы, — отмечают авторы многотомной “Истории Москвы”, — все они связывают это событие с убийством сына Юрия Долгорукого князя Андрея Боголюбского боярами Кучковичами»².

Двойное название Москвы — «Москва, рекше Кучково», то есть «Москва значит Кучково» — зафиксировано в многочисленных источниках³. Сохранившаяся в семи списках (копиях), эта летопись содержит сведения о великом князе Юрии Долгоруком, которому, принадлежат лавры официального основателя столицы, а также его сыне Андрее Боголюбском и «вятическом купце» Степане Кучке, «хозяине сел красных» на месте zalo-

¹ История Москвы. Краткий очерк. М.: Наука, 1974.

² История Москвы: в 6 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 636.

³ Салмина М. А. Повести о начале Москвы. М.; Л., 1984. С. 176–177.

В. Н. Татищев

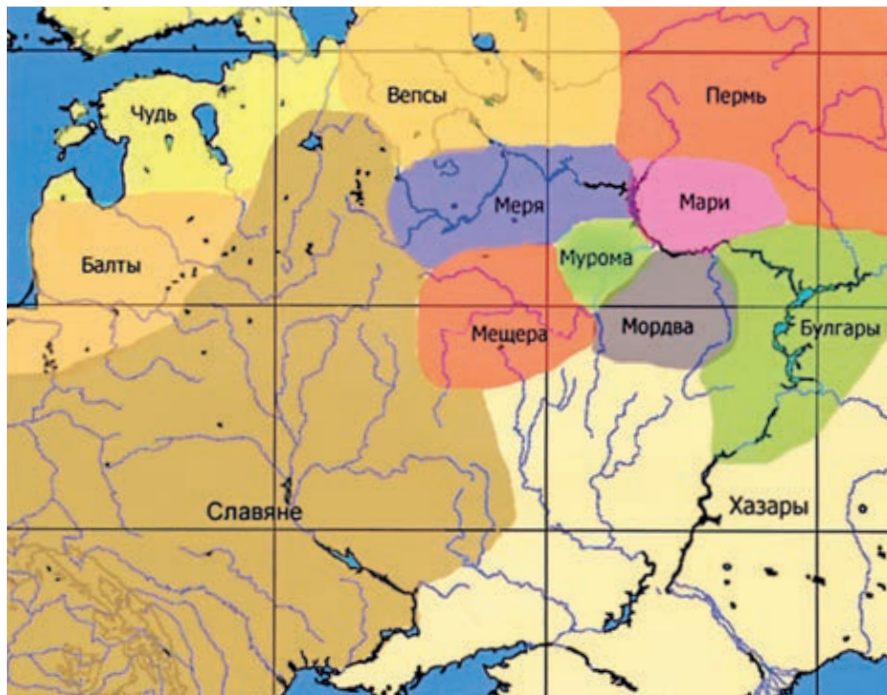
женного позднее князьями города. Именно рассмотрение исторического контекста вокруг загадочной фигуры Кучки представляет для нас особый исследовательский интерес, позволяя скорректировать, с одной стороны, устоявшиеся в науке традиционные версии понимания раннесредневековой истории столицы, а с другой — верифицировать новым фактическим материалом идею евразийского характера древней Москвы и позднее Российского государства. Перефразируя Карамзина, можно сказать:

«Москва обязана своим первым упоминанием и возникновением Кучке».

Принято считать, что летописные источники об истории Москвы и северо-восточных земель Древней Руси, несмотря на их разную степень аутентичности, опираются в целом, по мнению ряда историков, на «древнюю фактическую основу»¹. Все существующие легенды о начале Москвы собраны в «Повести о зачале Москвы» и «Сказании об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы», дошедшие в списках XVI–XVII вв. Впервые летописный материал об «убиении Андрея Боголюбского Кучковичами» зафиксировал и попытался обобщенно интерпретировать основоположник русского источниковедения и автор первой «Истории Российской» В. Н. Татищев (1686–1750)². Дополнив его сведениями из других известных ему книжных источников — Раскольничьей летописи и Степенной книги, Татищев отмечал

¹ Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А., Гусева С. В. Москва в эпоху Средневековья. Очерки политической истории XII–XV столетий. СПб., 2021. С. 9–11.

² Татищев В. Н. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Наука, 1962–1979.

Карта расселения племен в раннем Средневековье

тесную взаимопереплетенность славянского, тюркского и угро-финского миров, подчеркивая, что уже в середине XII столетия начался процесс заселения московского посада разными народами:

«Множество из болгар, мордвы и венгров, кроме русских, селились и пределы его [Юрия Долгорукого. — Ф. А.] множили, тысячами людей наполняли»¹.

Известный публицист и литературный критик А. П. Сумароков (1717–1777) вошел в историю москвоведения как первый русский литератор, посвятивший свой труд древней истории города. Следуя профессиональным советам академика Герхарда Миллера (1705–1783) и частичной компиляции его архива, Сума-

¹ Татищев В. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 44.

П. А. Вяземский

А. П. Сумароков

роков в небольшом по объему произведении «О первоначалии и созидании Москвы» (1759) в традициях складывающейся научной литературы Нового времени предложил читателю беллетризованный опыт осмысления начальной истории Москвы — от Юрия Долгорукого до сына Ивана Грозного царя Федора Иоанновича. Панорама живописных зарисовок различных сторон городской жизни представлена в «Очерках московской жизни» (1842) бытописателя П. Ф. Вистенгофа (1811–1855). Славянофил И. Д. Беляев (1810–1873), независимо от Сумарокова, в статье «Сказание о начале Москвы» (1868), переработав доступный летописный материал, развивает идею противостояния между князем Юрием Долгоруким и «хозяином сел красных» боярином Степаном Ивановичем Кучкой, как «самовластным владыкой» и представителем «богатейших и сильнейших» землевладельцев.

В этом обзоре, опубликованном во влиятельном литературном и общественно-политическом журнале «Русский вестник», он, как и Татищев, обращает внимание на пеструю картину колонизации этого края разными племенами «от Новгорода до

Рязанскую землю»¹, что, впрочем, не мешает ему акцентировать свое внимание в основном на балто-славянских племенах вятичей и кривичей, обходя молчанием угро-финов и болгар, одновременно в это время живших в пространстве волго-окского междуречья. Другие известные авторы: от литераторов и мемуаристов К. Н. Батюшкова (1787–1855) и П. А. Вяземского (1792–1878) до бытописателей Москвы М. И. Пыляева (1842–1899) и И. К. Кондратьева (1849–1904), оставили яркие воспоминания о московской повседневности XIX в., также вошедшие в анналы московской историографии. Батюшков в своих «Прогулках по Москве», поражаясь этническому разнообразию городского населения, сравнивал Москву с восточным базаром, где можно увидеть *«река, татарина, турка в чалме и туфлях ... и важного персиянина»*².

Действительный член Российской академии наук и первый председатель Русского исторического общества П. А. Вяземский (1792–1878), подчеркивая факт закладки главного сакрального центра Москвы — Успенского собора в начале XIV в. (т. е. в эпоху Золотой Орды), в «Очерках Москвы» древней столице посвящает такие строки:

*«Твердят: ты с Азией Европа,
Славянский и татарский Рим,
И то, что зрелось до потопы
В тебе еще и ныне зрим»*

(1858)³

Пыляев и Кондратьев, обращая внимание на необычные исторические факты, связанные с основанием города и вплоть до рубежа XIX–XX вв., описывали Москву на основании вольного переложения известных древнерусских источников как столицы

¹ *Беляев И. Д.* Сказание о начале Москвы // *Русский вестник*. М., 1868. Т. 74. № 3–4 [март — апрель]. С. 1–26.

² *Батюшков К. Н.* Прогулки по Москве // *Очерки московской жизни*. М., 1962. С. 13.

³ *Вяземский П.* Очерки Москвы. М., 1916. С. 155–156.

«Святой Руси» и города «сорока сороков» церквей с подробными деталями из жизни великих князей и позднее царского двора, указывая на названия православных монастырей, слобод и древних улиц, часовен, погостов, дворянских усадеб и т. д. Уже упоминавшийся М. Н. Загоскин, пытаясь зафиксировать самобытный дух московской жизни, писал:

«Москва – верная представительница всей России, которая точно так же не походит на все западные государства, как наша старая столица не походит на все европейские города»¹.

Приведем рассуждения одного из главных идеологов Москвы «сорока сороков» церквей и главного историографа Москвы конца XIX в. И. Е. Забелина. Обращая внимание на восточные черты города, он пишет:

«Что московская красота носит в себе черты восточные и мало походит на западный облик, то в этом разе есть что-либо унижительное, что-либо недостойное человечества и человечности?.. Живя на востоке, имея постоянное дело с Востоком, Москва физически не могла вырастить себя совсем по западному образцу, с которым вдобавок не сошлась характером по вере и по некоторым политическим началам»².

В завершении он констатирует главную, как ему представляется, историко-национальную особенность Российского государства и его древней столицы:

¹ Загоскин М. Н. Москва и москвичи. Избранные главы. М., 2019. С. 321.

² Забелин И. Е. Черты московской самобытности. М., 2007. С. 95.

Б. Кустодиев. Продавец ковров (Татарин). Из серии «Русские типы». 1920 г.

«Россия все еще татарщина [обобщенное название всех азиатских народов либо символ средневековой Руси эпохи Золотой Орды. — Ф. А.] ... Россия такова, что эту татарщину исправниками да палками не усмирить»¹.

Тема татарского этнического компонента (под иным, узко «миссионерским» исследовательским ракурсом) находит отражение в обзоре «Несколько кратких сведений о татарах-мусульманах г. Москвы», опубликованной в церковном журнале «Православный благовестник» (1901). Ее автор обращает внимание на татарскую топонимику Замоскворечья, единственную мечеть и состав ее прихожан, включая ее предстоятеля ахуна Хайретдина Агеева, точно очерчивает сакральное пространство верующих мусульман города, показывает их повседневную жизнь и указывает попутно на доступные правоверным разнообразие учебных заведений:

«Кроме своих мусульманских школ мусульмане 1. Москвы поступают и в русские учебные заведения. Мужчины учатся и в военных, и в светских учебных заведениях. Именно в Московском военном училище, в Александровском военном училище. В Московском императорском университете — на юридическом и медицинском факультетах, преимущественно первом. Женщины получают образование в женских гимназиях и Елизаветинском институте»².

Вопросами «слияния и переработки двух культур: славяно-оседлой и тюркско-кочевой», в том числе на московском материале, занимался ректор Московского университета (1911–1917) академик М. К. Любавский (1860–1936)³. Совершенно особое место в описании контрастного облика Москвы рубежа XIX–XX вв.,

¹ Там же. С. 114.

² Православный благовестник. 1901. № 3. С. 138. См. Приложение.

³ Любавский М. К. Возвышение Москвы // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 1. М., 1909.

включая ее разные национальные типажи, принадлежит известному бытописателю Вл. Гиляровскому (1855–1935), автору очерков «Москва и москвичи». В них он уделяет большое внимание на бросавшийся ему в глаза азиатский компонент городского населения: «восточных людей» Автандиловых и Сулхановых, державших кавказские погребки и столовые на Суфийке, Мясницкой и Черкасском переулке, банщиков-татар («персиян») из Сандуновских бань и т. д.¹ Среди других трудов достойна упоминания ранняя

И. Е. Забелин

работа С. К. Шамбинаго (1871–1948) «Старая Москва», представляющая собой исторический очерк городских достопримечательностей, включая московский быт и топографию². Биография и личность Шамбинаго, видного специалиста в области древнерусской литературы в контексте нашего исследования представляет особый интерес. Его семейные корни восходят к крещенному при Николае I дагестанскому роду шамхалов Тарковских (шамхал — титул правителей в Дагестане с VIII в. по 1867 г.)³.

После 1917 г. «славянофильский» дискурс, заложенный в трудах Забелина и Загоскина, претерпел значительные изменения и трансформировался в 20–30-е гг. XX в. в новую общественно-политическую парадигму марксистско-ленинскую историю столицы первого в мире государства рабочих и крестьян, съездов ВКП (б), затем КПСС, пятилеток, трудовых подвигов передовиков производства, когда дореволюционное прошлое нередко описывалось исходя из догм партийных документов о классовой борьбе,

¹ Гиляровский Вл. Москва и москвичи. М., 1979.

² Шамбинаго С. К. Старая Москва: в 2 ч. М., 1903.

³ Арбатский архив. Вып. II. Историко-краеведческий альманах. М., 2009. С. 189.

например, «княжеской власти против мощественного местного боярства», а именно «столкновения князя Юрия с боярином Курькой»¹. Художественно-историческому осмыслению этой темы посвящен краткий обзор известного писателя А. Н. Толстого (1883–1945) «Москва до XIX в.»². Во второй половине XX в. эта идеологическая направленность позволила партийным идеологам (футурологам) и ангажированным историкам (после XXIV съезда КПСС) на время сформулировать общие теоретические положения истории Москвы как «образцового коммунистического города», что, правда, не получило сколько-нибудь серьезного научного обоснования, не считая отдельных газетных или журнальных публикаций в официальной советской и московской партийной прессе.

Ю. Пименов. Новая Москва. 1937 г.

¹ История Москвы: в 6 т. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. С. 14.

² Толстой А. Москва до XIX в. // Москва / под ред. А. Ковалева. М., 1935. С. 41–54.

Вместе с этим, как мы уже отмечали, рубеж середины XX в. можно считать временем складывания современного академического москвоведения, начало которого можно датировать публикацией М. Н. Тихомирова о древней столице. Ученый доказывал, что в пространственных границах бассейна Москвы-реки к моменту образования города, наряду с вятичами («Москва была городом вятичей») могло обитать автохтонное население самых разных евразийских и восточных народов.

«... Уже в середине IX в., за два столетия до первого упоминания о Москве в разных частях была, несомненно, населена и даже в какой-то мере связана с отдаленными странами Востока»¹.

В более поздней работе он уточнял:

М. Н. Тихомиров

«Если для Запада Москва была крайним пунктом европейского цивилизованного мира, то для Востока она являлась также конечным пунктом восточной цивилизации»²,

подчеркивая таким образом ее особую роль как смешанной контактной зоны разных народов и культур.

Его труд «Древняя Москва» проливает свет на новые обстоятельства основания города на месте двора боярина («болярина») Степана

¹ Тихомиров М. Н. Древняя Москва. XII–XV вв. М., 1999. С. 8.

² Цит. по: Тихомиров М. Н. Русская культура X–XVIII вв. М., 1968. С. 265–266.

Кучки, как «первого владельца Москвы». *«Кучка, без сомнения лицо историческое»*, делает важный вывод М. Н. Тихомиров¹. Согласно версии ученого, этот двор располагался на Драчевском городище около реки Неглинной вблизи от урочища Кучково поле. *«Может на месте боярской усадьбы, — считал Тихомиров, — возник княжеский городок Москва»*². В это же время в трудах Шамбинаго³ и позднее М. А. Салминой (1927–2013)⁴ начинается скрупулезное текстологическое и литературоведческое исследование упомянутых сказаний о начале Москвы (известно 29 рукописных списков), что позволяет значительно расширить и скорректировать сложившиеся к тому времени интерпретации русского летописного наследия о древней столице. Несущие «глухие отголоски событий Смутного времени» «Повести о начале Москвы», по мнению Салминой, являлись

*«памятником публицистической литературы, соединяя воедино элементы художественного вымысла и свободного обращения к первоисточникам»*⁵.

Следующий этап изучения истории Москвы связан с именами учеников и коллег М. Н. Тихомирова, прежде всего С. О. Шмидта (1922–2013), В. И. Кучкина (род. 1933), О. М. Рапова (1939–2002), Л. А. Беляева (род. 1948), Т. Д. Пановой (род. 1949), которые поднимают изучение проблематики на новую научную ступень, дифференцируя ее на исследование открытых к этому времени учеными новых (археологических и летописных) сюжетов прошлого столицы. Развитие новых направлений изучения прошлого Москвы тесно связано с археологией, которая (оставаясь главным каналом исторического исследования) представлена трудами А. Г. Векслера (1031–2016) и Л. В. Кондрашова.

¹ Тихомиров М. Н. Древняя Москва. С. 11.

² Тихомиров М. Н. Труды по истории Москвы. М., 2003. С. 35.

³ Шамбинаго С. К. Повести о начале Москвы // Труды отдела древнерусской литературы Ин-та литературы АН СССР. Т. III. М.; Л., 1936. С. 65–68.

⁴ Салмина М. А. Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964.

⁵ Там же. С. 78–81.

Московская берестяная грамота № 3 (опись имения Турабея)

Новый научный материал и их оригинальные интерпретации содержат также труды историков В. Н. Козлякова, Ю. В. Кривошеева, Р. А. Соколова, С. В. Гусева и др. Особое место среди указанных работ занимает книга А. Л. Баталова и Л. А. Беляева «Сакральное пространство средневековой Москвы»¹. Посвященный главным православным культовым сооружениям Москвы как города «сорока сороков», этот монументальный труд в то же время открывает перспективу научного изучения «сакрального пространства» ислама, что не лишено обоснованного основания исходя из степени важности обсуждаемого вопроса о цивилизационных корнях города и страны. В заключение этого обзора обратим также внимание на коллективную монографию «Москва: рождение двуглавого орла» (2022), написанную авторским

¹ Баталов А. Л., Беляев Л. А. Сакральное пространство Москвы. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2010.

коллективом ученых историков (К. Аверьянова, Ф. Хузина, М. Моисеева, И. Зайцева, Р. Абянова и М. Сафарова) с акцентом на положительную комплементарность евразийских (прежде всего тюркских и славянских) этносов.

«Складывание единого многонационального Российского государства начинается в самом своем ядре – Московии. Именно здесь налаживались контакты с соседями – Волжской Булгарией, происходило знакомство с культурой ислама, принятого булгарами в качестве государственной религии в 922 году, устанавливались взаимовыгодные торговые отношения по рекам и сухопутным артериям... сложились особый опыт совместного проживания русских и татар в рамках средневекового феномена служилого землевладения... Не идеализируя контекст сосуществования славянского и тюрко-мусульманского миров, стоит учитывать, что позднейшие историографические наслоения существенно исказили представления о русско-татарском строительстве общего государства, акцентируя соперничество и игнорируя соработничество. Между тем двуглавый орел российского герба обращен равно на Запад и Восток, и евразийская сущность российского цивилизационного пути первоначально закладывалась на встрече креста и полумесяца»¹.

Сегодня в связи с расширением познавательных возможностей исторической науки, а также уже назревшим в обществе запросом на формирование (формулирование) общероссийской гражданской идентичности, идет процесс осмысления и переосмысления как старого архивного, так и нового научно-исследовательского

¹ Московская: рождение двуглавого орла / под ред. Р. Р. Аббясова. М., 2022. С. 16.

материала. Это предполагает принципиально иной, чем прежде, исследовательский формат. Наша задача — попытаться внести новые коррективы в изучение вопроса об исторических истоках Москвы, а также, опираясь на результаты указанных выше работ, предложить современный подход объяснения истоков возникновения столицы. Его решение возможно в рамках междисциплинарной парадигмы с акцентом на инструментарий исторической эпистемологии (антропологии), включающей уже апробированные научные идеи как российских, так и зарубежных исследователей. По словам американского ученого А. Мегилла, *«настоящий историк есть исследователь альтернативных человеческих миров»*, что предполагает и «альтернативное видение истории давнопрошедшего».

«Для того, чтобы написать любую достойную работу по истории вообще, — продолжает он, — историки должны рассуждать»¹.

Историко-литературный анализ летописного материала «Сказания» открывает для исследователя широкие возможности.

¹ Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2009. С. 10.

II. «СКАЗАНИЕ О НАЧАЛЕ МОСКВЫ»:

ПРОТАГОНИСТЫ И АНТАГОНИСТЫ

Обратимся к памятнику московской книжной культуры XVII в. «Сказание о начале Москвы», существующему в нескольких версиях. Одна из них находится в ГИМ (Уваровское собр., № 670). «Сказание о начале Москвы» можно рассматривать как компиляцию собрания более ранних летописных источников, окончательно отредактированных анонимным

Царь Алексей Михайлович.
Царский титулярник 1672 г.

автором в эпоху правления царя Алексея Михайловича (1645–1676). Использование современных методов текстологического и семантического анализа текста открывает как более глубокие пласты исторического знания (корректируя и дополняя устоявшиеся подходы и интерпретации истории города), так и позволяет обозначить новые параметры историко-антропологического исследования родословных корней московского боярина Степана Кучки.

Это касается изучения жизни и быта предков нынешних казан-

ских татар — древних «болгар», история которых тесно связана с Древней Русью, особенно с Владимиро-Суздальским, Рязанским и Московским княжествами. Зарождение Волжской Булгарии и Древнерусского государства с центром в Киеве происходило примерно в одни исторические сроки, что сопровождалось, с одной стороны, тесными торговыми и дипломатическими связями, а с другой — борьбой между ними за гегемонию в Поволжье. Это можно проиллюстрировать хроникой русско-булгарских (равно как русско-мордовских) войн, описанных как в летописных памятниках московскими книжниками XII в., так и в отрывочных заметках и наблюдениях арабских и персидских путешественников Ибн Хаукаля, Ибн Руста, аль-Мукаддаси и др. В эту эпоху наряду с процессами формирования конфессиональной и этнической идентичности населения этих государств происходит широкий культурный обмен и взаимодействие различных духовных традиций, распространенных в этой части Евразийского континента. Этнический состав Северо-Восточной Руси и бассейна Среднего Поволжья в раннем Средневековье, как мы отмечали, был весьма разнообразен: меря и другие финно-угорские племена, кривичи и вятичи, представлявшие славянские народы, тюркоязычные болгары (тюркизированные угры) жили в одном евразийском пространстве, что предопределило их симбиоз на основе взаимной культурной адаптации. По словам В. О. Ключевского, *«в XII в. этот край был более инородческим, чем русским краем»*¹. Рассуждая об «исторической встрече» на Восточно-Европейской равнине двух культур — славяно-оседлой и тюркско-кочевой, академик М. К. Любавский, в связи с колонизацией Древней Руси разными народами, отмечал:

*«В стени татарское кочевое население
ассимилировало русские элементы
в противоположность тому, что происходило*

¹ Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 41.

на окраинах русской оседлости, где тюркские кочевые элементы ассимилировались с русским населением»¹.

«Различие между славянами и булгарами, — отмечает Л. Н. Гумилев, — было не антропологическим, не расовым и даже не экономическим, а религиозным»².

На важную сторону культурно-экономических связей Руси и Булгарии обратил внимание патриарх советского болгароведения А. П. Смирнов (1899–1974):

«Проблема мирных отношений между волжскими булгарами и Русью получила разрешение только благодаря археологическим исследованиям... Летописец этому вопросу уделял мало внимания, останавливаясь главным образом на внешнеполитических событиях и характеризуя преимущественно военные столкновения этих государств... Систематические столкновения между Русью и Волжской Булгарией на протяжении 400 лет заслонили мирные культурные связи между этими народами»³.

В «Сказании...» передан один из драматических эпизодов противостояния между богатым боярином («болярином») Степаном (Стефаном) Кучкой, хозяином «сел красных» на месте нынешней Москвы и великим князем Юрием Долгоруким, который

«шел из Киева во Владимир град к сыну своему Андрею Юрьевичу, и пришел на место, где ныне царствующий град Москва».

¹ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000. С. 69

² Гумилев Л. Н. От Руси к России. М., 2007. С. 62–63.

³ Смирнов А. П. Древняя Русь и Волжская Булгария // Славяне и Русь. М., 1968. С. 167.

Не встретив со стороны Кучки достойного приема и княжеских почестей, Юрий Долгорукий решает боярина казнить (*«возгордѣвся зело и не почите великою князю»*), а его сыновей Петра и Акима вместе с единственной дочерью Улитой отправляет во Владимир к своему сыну Андрею. Далее Андрей сочетается браком с Улитой, которая в сговоре с братьями [из мести] убивает своего мужа¹. События XII в., когда Юрием Долгоруким происходит «официальное» основание столицы, адаптированы к историческим реалиям XVII в., то есть «глухим отголоскам событий Смутного времени» в антураже эпохи «Москвы сорока сороков» и «Москвы как Третьего Рима». Обращение к истории основания города с ретроспективных позиций позволяет анонимному книжнику, свободно обращаясь с хронологией, соединять в тексте плохо соотносимые исторические события, например, дату основания Москвы и смерть Андрея Боголюбского. Взятые из Ипатьевской и Лаврентьевской летописей исторические сведения об Андрее Боголюбском и Улите («дщери Кучковой») и самого Степана (Стефана) Ивановича Кучки были подвергнуты вольной художественной обработке, что отвечало литературным вкусам эпохи Алексея Михайловича.

Отношение к этому историко-литературному памятнику претерпело эволюцию: от недоверия и подложности к научно значимому факту. Например, Н. М. Карамзин считал эту летописную версию об основании Москвы «историческим баснословием».

«Было время, когда на предания о Кучке ученые смотрели, как на сплошной вымысел XVII в., — писал М. Н. Тихомиров, опираясь на научные труды и мнения своих предшественников, — и не видели в нем никакого зерна достоверности»².

¹ Повесть о начале царствующего града Москвы // Изборник: Повести Древней Руси. М., 1987. С. 295–300; Тихомиров М. Н. Древняя Москва XII–XV вв. М., 1999. С. 15–16.

² Тихомиров М. Н. Древняя Москва. С. 11–12.

Указывая на исторические и хронологические неточности, Тихомиров тем не менее первым предложил рассмотреть эту летопись в качестве исторического документа. Исследователь древнерусской литературы фольклорист С. К. Шамбинаго, развивая критический подход к историям о начале Москвы, разделил их на три вида: хронографическую, сохраняющую «средневековый историзм», а также утратившие связь с реальной действительностью новеллу и сказку. Центральное место в хронографической повести отводится вопросу о месте возникновения Москвы, а также мотиву мести — наказанию за убийство боярина Кучки от рук Юрия Долгорукого и затем «победителя болгар» Андрея Боголюбского от рук родственников поверженного Кучки.

«Москва была на крови Кучки, — резюмирует ученый, — на дочери которого женился Андрей Боголюбский».

Возвращаясь к литературным особенностям произведения, Шамбинаго отмечает:

«Списков повестей много: они служили любимым чтением, как отражение моды XVIII в. на генеалогические и баснословные упражнения на исторические темы»¹.

Кучка

Важным элементом исследования является попытка реконструкции этнического происхождения главного героя этого летописного источника. Академик М. Н. Тихомиров называет суздальского боярина Кучку

¹ Шамбинаго С. К. Повести о начале Москвы // Труды отдела древнерусской литературы Ин-та литературы АН СССР. Т. III. М.; Л., 1936. С. 69.

Вид на «Кучково поле» с берега р. Неглинной от Кузнецкого моста в XVI в.
Художественная открытка товарищества А. И. Абрикосова. 1910-е гг.

*«одним из вятических старшин или князьков,
отстаивавших свои земли от притязаний Юрия
Долгорукого»¹,*

то есть относя его к одному из распространенных в то время в бассейне Москвы-реки славянскому этносу. Позднее известный российский культуролог и лингвист В. Н. Топоров (1928–2005), указывая на родственные языковые соответствия в балто-славянских языках, попытался найти более осторожные формулировки относительно происхождения Кучки. По его словам, конфликт Юрия Долгорукого с Кучкой,

«видимо, одним из вятических (независимо от происхождения) старшин мог актуализировать тему западных пределов складывающегося на северо-востоке Руси ядра будущей государственности в одной из основных ключевых точек, какой являлась Москва»².

Исторический контекст изучаемой эпохи вкупе с ономастическим анализом этого имени, развивая идею не только «западных», но и «восточных пределов» Руси, позволяет уточнить эти выводы и предложить иное объяснение происхождения Кучки и Кучковичей. Непривычное для слуха Кучка восходит к словам тюркско- / финно-угорского корня «куч — кучак» (обнимание, охапка, кипа) либо «кучук, кучык, кычук» (короткий, небольшой, маленький)³, что указывает вслед за Татищевым на широкие границы дисперсного проживания булгар к моменту основания Москвы. Одновременно Кучук — одно из языческих имен у древних болгар / финно-угров (мордвы, марийцев, чувашей).

¹ Тихомиров М. Н. Древняя Москва. С. 14.

² Топоров В. Н. Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования. М., 1982. С. 44.

³ Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. С. 463; Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979; Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974.

«Предпосылки добрососедских отношений между народами России начали еще складываться в протогосударственный период, что выразилось в межплеменном и межэтническом взаимодействии, — отмечают авторы энциклопедической истории Мордовии, — ... В лесной полосе Восточной Европы основным населением было финно-угорское, расселившееся в по рекам Цне, Суре, Оке и Волге, которые принимали участие в формировании на территории Восточной Европы обширного Древнерусского государства»¹.

Прежде чем появилось первое документальное упоминание о Москве, на этом месте располагались вотчинные земли боярина Кучки, входившие в географический ареал Ростово-Суздальского княжества, что, видимо, позволило родиться гипотезе академика Тихомирова о славянском происхождении Кучки. (Нельзя исключать, что закрепление в научном дискурсе авторитетного мнения академика Тихомирова могло быть связано и с пресловутым фактором «политической целесообразности», который в сер. XX в. определял пути развития и складывания советской гуманитарной науки эпохи развитого социализма.) Центр его вотчины располагался в районе нынешних столичных Чистых прудов, еще в древности получивших название Кучково поле, близ Сретенских ворот Белого города². После смерти Кучки связанные с его именем земли отошли в личный домен великого князя Юрия Долгорукого.

Напомним, что выражение «Москва, рекше Кучково» часто повторяющийся мотив в русских летописях, начиная с XII в. (волость Кучка)³. Согласно мнению О. М. Рапова, «населенных

¹ Мордовия в истории России / под ред. чл.-корр. РАН Н. М. Арсентьева. Саранск, 2012, С. 8–9.

² Векслер А. Г. Спасательная археология Москвы. Избранные статьи и материалы. М., 2006. С. 22–24.

³ Карпов А. Андрей Боголюбский. М., 2014. С. 22.

Ополье. Современная фотография

*пунктов с названием Кучков (Кучково) в XII–XIII вв. могло быть несколько*¹. Сегодня этот топоним (в разных вариантах) встречается в Московской области (село Кучки в Сергиево-Посадском районе), в Нижегородской области (село Ко[у]чки Пожарки), Крыму (гора Кучук Енишар, недалеко от Коктебеля), Центральной России, например, в Сторицком районе Тверской области (деревня Кучково), на севере Марий Эл (село Кучка Оршанского района), Республике Татарстан (село Починок Кучук), Пензенской области (село Кучки) и Сибири (село и река Кучук в Алтайском крае).

Таким образом, топоним Кучук этимологизируется на материале тюркского / финно-угорского языка. Вместе с этим, если оставаться на уже устоявшейся (традиционной) в науке точке зрения и придерживаться гипотезы Тихомирова / Топорова, пример «вятичевского князька (старшины)» Кучки может сви-

¹ Рапов О. М. Кто срубил град Москву на Боровицком холме. М., 1997. С. 12.

детельствовать о богатом этническом разнообразии и многоставности сложившегося к тому времени славянского субстрата (вятичей и кривичей) как результат взаимной аккультурации и межплеменной адаптации населения древней Москвы, включающей в себя и значительный волжско-булгарский компонент.

Улита

«Болгарский» след происхождения Кучки находит подтверждение в летописном упоминании «дщери Кучковой», которая названа «болгарыней» либо «болгаркой родом». Обстоятельства убийства князя Андрея Боголюбского Улитой и ее братьями («окоюнными Кучковичами») летописи объясняют мстью мужу за разорение Волжской Болгарии, указывая также на имевшую место неудовлетворенность семейной жизнью со стороны супругов. Согласно Тверской летописи XVI в.:

«...удбен бысть благоверный великий князь Андрей Юриевич Боголюбский по научению своего ему княгини. Бе бо болгарка родом, и держание к нему злую мысль, не про едино зло, но и просто, иже князь великий многу воева... Болгарскую землю, и сына посила, и многу зла учини болгарам»¹.

Исторические источники сообщают, что в XII в. между «Великим градом» («Великими Болгарами») и Владимиро-Суздальским княжеством шли спорадические войны за гегемонию в Поволжье и Окском регионе². Летом 1164 г. состоялся военный поход Андрея Боголюбского против Волжской Болгарии, которая к этому времени уже сформировалась как государство, входившее в ареал арабо-мусульманской цивилизации. По версии Тверского сборника, походы ее супруга Андрея Боголюбского на ее историческую родину пробудили к нему ненависть, кото-

¹ ПСРЛ. Т. 15. [Вып. 2]. СПб., 1863. Стб. 250–251.

² Тихомиров М. Н. Труды по истории Москвы. С. 294.

Древнерусское государство. Вторая половина XI – начало XII в.

рая выльется наружу в 1174 г. Несмотря на условный характер летописных репрезентаций и нарративную иносказательность, которой пользовались московские книжники, можно сделать вывод о том, что «дщерь Кучкова» сохраняла земляческую (ментальную) связь с прежней семейной традицией, возможно, храня в памяти и культивируя сложившиеся к тому времени болгарские обычаи.

Андрей Боголюбский

Образ Андрея Боголюбского, описанный в «Сказании...», подчеркивает присутствие тюркоязычных этносов в социальных стратах Владимиро-Суздальского княжества, что можно проследить, анализируя биографии Юрия Долгорукого и его сына Андрея Боголюбского. Согласно историческим источникам, Юрий Долгорукий был женат на половецкой княжне, дочери половецкого хана Аепы (Айюба), от которой у него было семь сыновей, включая старшего — князя Андрея Боголюбского. До крещения князь Андрей Юрьевич носил имя Китай, что подтверждает сильное влияние его половецкого (кипчакского) окружения¹. Союзнические отношения с половецкими ханами прослеживаются на протяжении всей жизни Юрия Долгорукого и его сына, а затем внуков, которые в сложные моменты княжеских распрей и междоусобиц могли рассчитывать на поддержку и гарантированную безопасность со стороны своих кипчакских родственников. Историк А. Карпов, анализируя перипетии богатой на события жизни князя Андрея Боголюбского, указывает, что влияние матери-половчанки сказалось на тесных родственных узах, включая «общий язык» с половцами, а его сын Юрий Андреевич после смерти отца в течение «восьми или около того лет» провел среди половцев². В городской топонимике Москвы слово Китай дало название самому древнему (после Кремля)

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 2–3. М.: Наука, 1991. С. 522, примеч. 26. В «Киевском синопсисе» (1836) читаем: «Китаем Андрей нарицашеся прежде крещения» (Салмина. С. 41).

² Карпов А. Андрей Боголюбский. С. 12, 366.

Андрей Боголюбский

**Михаил Михайлович Герасимов —
автор методики восстановления
внешнего облика человека на
основе скелетных остатков**

месту — Китай-город. Этимология этого слова (переводится «укрепление», «крепость») также восходит к ареалу тюркской языковой группы.

Существенным дополнением к этому лингво-культурологическому анализу «Сказания...» служит антропологическая реконструкция облика князя, выполненная историком М. М. Герасимовым в середине XX в. Унаследованные от матери-половчанки монголоидно-азиатские черты его лица служат наглядным подтверждением того, каким был «среднестатистический» московский житель на заре основания города. Думается, остальные шесть братьев Китая / Андрея от матери-половчанки мало чем могли внешне от него отличаться.

Обращение к упомянутому летописному памятнику реконструирует историческую реальность средневековой Москвы с ее разнородным по этнокультурному составу населением, включающем народы славянского, тюркского и финно-угорского культурных ареалов. Многонациональный состав московского населения в своем подробном обзоре отмечает М. Н. Тихомиров,

А. М. Васнецов. Кремль при Иване Калите. 1921 г.

указывая, что в древней столице жили греки, болгары, сербы, итальянцы (генуэзцы), армяне, литовцы, поляки, немцы и евреи («жидовины»)¹. Анализ «Сказания о начале Москвы» дает право утверждать, что основание Москвы связано с выходцем из Волжской Булгарии. Этот исторический факт можно рассматривать как важный аргумент реализации, во-первых, новой концепции истории Москвы как многонационального евразийского города и, во-вторых, как существенный элемент понимания на этом локальном историческом материале истоков общероссийской гражданской идентичности. Предложенный анализ этого летописного источника проливает свет на обобщения более высокого макроисторического характера, объединяя знание о Москве и Российском государстве в один общий топос.

¹ Тихомиров М. Н. Труды по истории Москвы. М., 2003. С. 243–256.

III. «КАРАВАН-САРАЙ» МОСКВА: ОТ ГОРОДА К МЕГАПОЛИСУ

(НОВЫЕ ТРЕНДЫ И РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОЙ УРБАНИЗАЦИИ)

Наступившая в XXI в. «эра фундаментальных процессов фрагментации, деструкции и перестройки идентичностей»¹ вызвала в большинстве индустриально развитых стран, включая Россию, радикальные общественные перемены, результатом которых можно считать возникновение феномена «культурно-сложных обществ»². Его можно наблюдать в жизни практически всех крупных мировых мегаполисов, превратившихся сегодня в естественные лаборатории соединения разных типов традиционности и тесного взаимодействия некогда в прошлом автономных и даже географически полярных этнокультурных сообществ, национальных обычаев и этических представлений. В условиях заметного увеличения в них многомиллионного кластера новых горожан-мигрантов происходит процесс постепенной перестройки принимающего общества с новой по характеристикам социокультурной парадигмой, преобразующей жизненное пространство города, которое еще недавно, в середине XX в., можно было рассматривать по оценке экспертов как практически мононациональное и моноконфессиональное.

¹ Вивьерка М. Формирование различий // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 21.

² Культурная сложность современных наций / под ред. В. А. Тишкова, Е. И. Филипповой. М., 2016.

Панорама Москвы

Сегодня острым вызовом процесса урбанизации подвержены все без исключения мировые мегаполисы. На улицах этих городов иммигрантов сегодня можно встретить не меньше, чем коренных жителей. Речь идет не только о 37 % иммигрантском населении Нью-Йорка, который сравнивают с «мультикультурным, мультиэтническим, полиязычным Вавилоном»¹ или о 96 % жителей Дубая, которые являются экспатами-иностранцами². Современный Берлин, например, по оценкам некоторых экспертов, является третьим по численности «турецким» городом после Стамбула и Анкары. В миллионном Брюсселе каждый четвертый житель этнический мусульманин — турок либо марокканец. Исторические пригороды Парижа — Сен-Дени и Монтрёй, напоминающие сегодня социально и культурно изолированные территории, практически полностью заселены магрибинцами и выходцами из Мали и Западной Сахары.

¹ Бьюкенен П. Смерть Запада. М., 2003. С. 14.

² Брук Д. История городов будущего / пер. с англ. Д. Симоновский. М.: Strelka Press, 2014. С. 20.

Отмечая тенденцию заметного количественного роста городского населения и пространственного расширения московской агломерации, мэр Москвы С. С. Собянин на открытии Московского урбанистического форума (2016) говорил:

«У нас проживает не 12 млн человек, нельзя Москву считать из формальных границ города, они давно уже вышли за МКАД. Вокруг нас проживает еще 8 млн человек. Если брать данные сотковых операторов, то на территории Московской агломерации живут не 12, а 25 млн человек. А ведь в регионах по периметру Московской области проживает еще 15 млн человек. Получается 40 млн человек ежедневно связаны с жизнью Москвы»¹.

В связи с отмеченной мэром тенденцией, следует признать, что внешняя миграция людей из других регионов и соседних стран создает условия для «миграции» новых идей и ценностей, прямо и косвенно влияющих на перестройку социальной структуры принимающего общества. Формула гипотетического определения оптимальных пропорций соотношения в городском пространстве исторически автохтонного («титulyного») и все увеличивающегося в последние годы потока «новых горожан» пока находится только в головах теоретиков и стратегов урбанистической науки. Однако пути ее решения во всяком случае видятся в парадигме гражданского взаимодействия всех («новых» и «старых») этноконфессиональных групп. Существующая социальная действительность создает условия как для закрепления в городской среде в обозримом будущем модели этнокультурного плюрализма (плюралистической культуры), так и оставляет возможность для бытования уже привычной («инерционной»), а именно настороженного отношения и социальной напряженно-

¹ Стенограмма выступления мэра Москвы С. С. Собянина на открытии МУФ 2016. 30.06.2016. См.: URL: <https://rutube.ru/video/4648b9b80ad5bd0140792d48f8be9137/?ysclid=m1p0672olc761467859>.

сти между коренным и пришлым населением, что наблюдается по сей день в ряде европейских столиц, включая Москву.

Первый сценарий («оптимистический») можно рассматривать в качестве перспективной ценностной модели для конструирования урбанистами завтрашнего дня города, второй («реалистический») — это современная обыденность, которая связана с ускоренным ритмом городской жизни и эмоциональными перегрузками горожан, что нередко чревато (в условиях продолжающегося миграционного кризиса) вспышками неадекватного поведения и немотивированной агрессии. Одним из предлагаемых экспертами рецептов профилактики «болезни отчуждения» между горожанами разных социальных страт и этноконфессиональных традиций является формирование «новой нормальности», основанной на доброжелательном кодексе поведения:

«Дух общительности не может господствовать на улицах и площадях, если он не живет в сознании людей»¹.

Миграционная тематика стала сегодня одной из главных в конструировании «городов будущего», к числу которых относится и Москва. Анализируя сложившиеся к началу XXI в. в Российской Федерации общественно-политические реалии в контексте противоречивых результатов глобализации начала XXI в. известный российский ученый-экономист Л. Абалкин (1930–2011) полагал, что альтернативы

«процессу формирования смешанного общества как отражения общности интересов различных социальных групп и слоев, наций и народностей»²

¹ Цит. по: Толстой В. П. Города в истории мировых цивилизаций. С. 13.

² Абалкин Л. Россия: поиск самоопределения. Очерки. М., 2002. С. 325.

сегодня не существует. Успешный ход реализации поликультурной стратегии в рамках российского общества, считал он, может стать залогом его устойчивого развития. Заметим также, что, согласно действующей Стратегии государственной национальной политики страны, право на культурное многообразие людей разных национальностей является краеугольным камнем развития современного общества.

В современной Москве с ее смешанным по национальному составу населением (численность которого приближается примерно к 10 % населения страны) как в фокусе отражается многообразная действительность российского государства с очень интенсивным характером происходящих практически каждый день чуть ли не в режиме «здесь и сейчас» социополитических, культурных и демографических трансформаций и перемен. На Москву и Московскую область приходится около 35 % общего миграционного потока в Российскую Федерацию людей разного социального статуса, национальностей и религиозных традиций¹. По компетентной оценке другого участника Московского урбанистического форума, известного западного исследователя урбаниста Саскии Сассена:

«Сегодня современный человек стал космополитом, а современный город, обладая значительным человеческим потенциалом, больше, чем государства, определяет движение исторического процесса»².

Современная Москва, оставаясь преимущественно русским по языку и культуре городом, постепенно превращается в интернациональный центр интеграции более 160 народов, представляющих самый разный этноконфессиональный спектр

¹ См.: Москва: проблемы интеграции в систему глобальных центров // Город в контексте глобальных процессов М.: Издательство МГУ, 2011. С. 236–252.

² Из выступления на пленарной сессии Московского урбанистического форума 2018. 19.07.2018.

и историко-культурные традиции многих стран и континентов — от Северного Кавказа и стран Закавказья, Центральной, Малой и Южной Азии до Дальнего Востока и соседних с ним Китая, Кореи и Вьетнама. В этой связи сформулированная еще в самом конце XX в. известным востоковедом академиком М. Л. Титаренко (1934–2016) идея «вернуться лицом к Азии» сегодня как никогда актуальна.

«Игнорирование евразийской сущности геополитического положения России и ее цивилизационной идентичности, доминирование попыток представить всю территорию России как пространство "большой Европы", — отмечал академик, — порождает противоречия в развитии страны и ведет к непрерывным колебаниям в ее политике, размыванию идентичности культуры и ослаблению положения России на мировой арене, подрывает межнациональную сплоченность русских и других народов России»¹.

С учетом сложившихся к началу третьего десятилетия XXI в. новых демографических и социокультурных реалий, формирующих дух и характер городской среды и повседневности, вновь вспоминаются слова Карамзина о «полуазиатской физиономии Москвы», сказанные еще два века назад. Российская столица, трансформируя повседневную культуру мусульман, на глазах становится не только фигурально, но и фактически «европейской дочкой Азии» (или, как кому нравится, «азиатской дочкой Европы»).

Современная Москва, динамично развиваясь и изменяясь вместе с составом ее жителей, является также катализатором формирования новых этногибридных идентичностей, которые все громче заявляют о себе как в повседневной действительности,

¹ Титаренко М. Л. Россия лицом к Азии. М., 1998. С. 7.

так и с экранов ТВ и через сетевые ресурсы. Многонациональный характер городской среды рождает особый тип мультикультурной личности, стремящейся реализовать свою жизненную энергию и творческие амбиции в разных сферах деятельности, начиная от политики, бизнеса и спорта до современной культуры и литературы и музыки¹.

«Новые мусульмане»

Открытые источники о национальном составе Москвы свидетельствуют, что 33 % московского населения приходится на 30 мусульманских этносов, проживающих в мегаполисе. Значительная часть из них относится к так называемой трудовой миграции. Для многих из них ислам и его обрядовая (существующая в разных национальных вариантах) практика являются главным этнокультурным маркером их идентичности. Эта группа населения, гетерогенная в плане социального статуса и экономических возможностей, в разной степени инкорпорирована в реалии современной столичной жизни. Если для коренных «московских» мусульманских этносов (например, урбанизированного еще в XX в. татарского населения) такой вопрос сегодня не стоит, то для трудовых мигрантов из Центральной Азии и их единоверцев с Северного Кавказа или Закавказья, родившихся, например, в кишлаках Ферганской долины или горных аулах Дагестана, проблема социальной и культурной (включая ментальную) адаптации остается одной из жизненно приоритетных.

Важно подчеркнуть, что на протяжении последних десятилетий основным источником миграции в РФ являются государства Центральной Азии. В 2012 г. 47 % трудовых патентов были приобретены гражданами Узбекистана, 22 % — Таджикистана, около 9 % — Киргизстана, что в совокупности дает более двух третей миграционного потока. Сегодня доля трудовых мигран-

¹ Асадуллин Ф. Urban islam как новый этнокультурный феномен современного европейского мегаполиса: от ретроспективы к перспективному видению проблемы // Islamology. 2018. Т. 8 (№ 1). С. 44–56.

тов из Центральной Азии составляет около 92 %, что эксперты, в частности, объясняют тем, что в этих странах рост населения опережает рост зарплат и имеющихся рабочих мест¹. При этом 87 % приезжих составляют мужчины, в основном молодые. Для многих из них, впервые оказавшихся в многонациональном мегаполисе, остро стоит вопрос как безболезненного «вживания» в новую общественную среду, так и сохранения в новых непривычных городских условиях национальной и религиозной идентичности. Как показывает опыт, представители этих народов, выходцы из сельских районов, стремясь сохранить и поддерживать тесные земляческие связи, заключают браки преимущественно внутри своей этнической общности. Общеизвестно, что сегодня именно на приезжих узбеках, киргизах, таджиках и казахах в Москве и области во многом держится и функционирует система ЖКХ, строительный комплекс, мелкая и розничная торговля, точки общепита, общественный транспорт, а также сфера услуг (ремонт и уборка дорог и жилых помещений, парикмахерские и т. д.).

В последнее время в медицинских учреждениях и различных бизнес- и государственных структурах столицы заметно возрос контингент специалистов с дипломами узбекских, таджикских или киргизских высших учебных заведений. Это относится и возросшему числу в последнее время мигрантам из Ближнего и Среднего Востока.

К афганской диаспоре, пополнившей в конце XX — начале XXI в. московское население, прибавился значительный отряд арабской (политической и экономической) эмиграции, включая студенчество: сирийцы, палестинцы, йеменцы, иракцы и др. Один из арабских респондентов, близких к руководству московской сирийской диаспоры, указывает на ее значительный рост, называя совокупную численность своих соотечественников до нескольких десятков тысяч человек, проживающих в столице

¹ Костенко Я. Приток трудовых мигрантов в Россию в первом квартале вырос в 1,6 раз // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/05/10/974291-pritok-trudovih-migrantov-v-rossiyu-viros>. Дата публикации: 9 мая 2023. Текст : электронный.

Африканские строители работают в Москве

и области. Появление на строительных площадках столицы рабочих мигрантов из Экваториальной Африки делает эту картину еще более пестрой и живописной.

Многие эксперты задаются вопросом, в каком направлении пойдет процесс интеграции мусульманского населения в современное общество и какой к середине XXI в. будет роль религиозных маркеров идентичности. Европейский опыт показывает, что существует несколько моделей межкультурного взаимодействия коренного населения с иммигрантами: модель ассимиляции (Франции), британская модель мультикультурализма («интеграция без ассимиляции») и нечто среднее между ними (Германия)¹. Российский опыт в этой области носит уникальный характер, вбирая и одновременно не копируя существующие геочивилизационные модели и межкультурные стратегии.

¹ Наумкин В. В. Ислам и мусульмане: культура и политика. М., 2008. С. 525.

«Динамика численности отдельных этнических групп показывает, что в столице постсоветской России наблюдается планомерное сокращение евреев, украинцев, белорусов, — отмечает эксперт Сети этнологического мониторинга О. Кульбачевская. — В то же время численность народов Кавказа и Средней Азии растет. Здесь также надо иметь в виду и неучтенных нелегальных мигрантов, среди которых выходцы с Закавказья и из Средней Азии составляют существенную часть»¹.

Среди нелегальных трудовых мигрантов («нелегалов»), число которых остается по сей день достаточно высоким, характерна неполная или частичная занятость и, как следствие, социальная неустроенность и уязвимость. Это нередко ведет к криминализации их образа жизни и, как следствие, различного рода правонарушениям. Проблемы неучтенной миграции и перенаселенности в городе сегодня остаются, возможно, главными «болевыми точками» московского общества, что подтверждается резонансными случаями конфликтов на межнациональной почве.

Мэр Москвы С. С. Собянин во время встречи с журналистами, отмечая новые демографические тенденции, а именно возросшее число мигрантов из южных государств, заявил, что в столице

«уже существуют районы, где число русскоязычного населения всего 25 %»².

Иллюстрацией этих слов может служить национальный состав населения Южного и Северного Бутова: из 200 000 жителей этих районов почти треть по неофициальным данным являются этническими мусульманами, представляющими Азербайджан, а также южные регионы России и Центральной Азии.

¹ Кульбачевская О. Особенности межэтнических отношений в российской столице // Вестник российской нации. 2012. № 4–5. С. 194–195.

² Независимая газета. 6 июня 2011 г.

Следствием изменения национального состава Москвы и свободным развитием в городском пространстве духовных и этнокультурных традиций проживающих в ней народов является рост религиозности среди москвичей. В столице соотношение религиозного и нерелигиозного населения эксперты определяют в соотношении 6:1, что позволило московскому мегаполису занять

«одно из лидирующих мест среди других субъектов Российской Федерации в плане происходящего в обществе процесса десекуляризации»¹.

Объективный характер этой тенденции подтверждается как ростом интереса этнических мусульман к исламу, так и их осмысленным отношением к своим религиозным обязанностям, что очень заметно во время пятничных и праздничных богослужений. Сегодня в Москве зарегистрировано 20 мусульманских общин и действует около 300 «мусульманских клубов» самых разных направлений и интересов: по изучению Корана и арабского языка, совместного досуга, а также женских, спортивных, детских и т. д. В Московской области в 64 городских округах открыты 60 мусульманских общин, 8 мечетей с минаретами и 30 мусульманских культурных центров.

Компактное проживание мусульман разных национальностей в многолюдном мегаполисе диктует разные модели поведения: от чувства духовной солидарности и взаимной поддержки до естественной для большого города конкуренции за «место под солнцем», на что может накладываться сложная диалектика взаимоотношений между «новыми» и «старыми» московскими этносами: азиатами и кавказцами, светскими и практикующими мусульманами и, наконец, — самая главная — между этническими мусульманами и коренным русским населением.

Корни возникающих нередко между ними конфликтов имеют разную природу: от исторической и религиозно-догматической

¹ Многонациональная культура Москвы. М., 2009. С. 38.

Мусульмане Москвы во время молитвы. Праздник в честь окончания поста в месяц Рамадан

(между суннитами и шиитами) до эмоционально-бытовой и банально коммерческой (конкуренция за рабочие места, торговые площадки и место реализации товара на рынках). Ксенофобия в отношении мусульман-мигрантов в значительной степени подпитывается укоренившейся ранее в российском обществе исламофобией, что в принципе является острой социальной проблемой всех больших городов, испытывающих приток избыточного пришлого населения. Москва, как и Санкт-Петербург, а также европейские города-миллионники представляют собой открытые полиэтнические и поликонфессиональные общества, переживающие бурный экономический и демографический рост. В этом городском пространстве соседствуют и часто пересекаются жизненные интересы представителей разных культур и религиозных традиций.

«Новые теории и практики»

Зарубежные урбанисты, анализируя ситуацию с «культурно сложными обществами» и с «новой повседневностью» западных городов формулируют как правдоподобные, так и чисто умозрительные проекты и конструкции. Известный американский социолог и политический теоретик Энн Нортон (Ann Norton), рассуждая о месте ислама в контексте взаимодействия на Западе мусульманского и немусульманского миров, в оптимистическом ключе констатирует:

«Мусульманский вопрос (The muslim question) охватывает континенты. Он объединяет политиков, прессу, "пандитов"-академиков [пандит — почетное звание ученого брахмана в Индии. — Ф. А.] и радиоболтунов в общей тревоге по поводу столкновения цивилизаций. Однако в этих демократиях есть еще и народный ответ на подобные речи. На улицах Запада обыкновенные люди — мусульмане, христиане, иудеи, индуисты, буддисты, зыгнчики, атенсты и остальные — вырабатывают совместное сожитие (conviviality together)»¹.

Американский урбанист и историк Даниэл Брук (Daniel Brook), пытаясь охарактеризовать модель современного космополитического города в «декорациях XXI века», отмечает постепенное, но неизбежное стирание границ между Востоком и Западом, Европой и Азией, где люди разных национальностей и духовных традиций совместно творят историю городов будущего². По мнению другого известного западного социолога Ричарда Флориды (Richard Florida), современный город с его развитой толерантной

¹ Нортон Э. К мусульманскому вопросу / пер. с англ. А. Лазарева. М., 2016. С. 23. Наш перевод: «совместное веселье».

² Брук Д. История городов будущего / пер. с англ. Д. Симоновский. М.: Strelka Press, 2014.

средой и передовой культурной инфраструктурой создает модель «креативного города», который провоцирует рост контактов между людьми разных национальностей и вероисповеданий¹. Рассуждая о степени значимости для иммигрантов этнической (земляческой) и конфессиональной принадлежности, российский эксперт А. М. Родригес-Фернандес делает вывод, что

«в общинном конформизме доминирует этнокультурное начало... и мигрантов связывает между собой общая историческая память, нормативы языка и культуры, сознание родства со своей этнической группой, конфессией, кланом и комплексом этнических предубеждений, стереотипов сознания и поведения»².

Сегодня в условиях бурно развивающегося современного мегаполиса городская действительность требует трезвого учета всех реалий и, главное, выработки новых подходов и решений для социальной включенности новых мусульманских этносов в жизнь по преимуществу русского по языку и культуре города. Гипотетически это может быть частью урбанистической концепции «умного города» (smart city), которая позволит через гуманитарные программы сократить культурную дистанцию между принимающим обществом и диаспорами и таким образом интегрировать граждан разных этноконфессиональных традиций в жизненное пространство столичного мегаполиса.

Однако при этом важно осознавать, что узбеки, таджики, киргизы и казахи (включая арабов, иранцев, афганцев и турок) преимущественно являются выходцами из государств исламского культурного ареала, где вся история и повседневная жизнь про-

¹ Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. М., 2016.

² Родригес-Фернандес А. М. Мигранты и диаспоры: системные особенности и адаптации // Сагадеевские чтения — 2022. Материалы научной конференции. М., 2022. С. 153.

питаны духом этой религиозной традиции. В этой связи сошлемся на проверенный временем вывод выдающегося русского исламоведа, академика В. В. Бартольда, сформулированный еще более 100 лет назад:

«Ислам, как мировая религия, веками доказавшая свою жизнеспособность... не будет вытеснен никакой другой. История ислама показывает, что он может приспосабливаться к новым условиям»¹.

История распространения ислама в Москве это наглядно демонстрирует². Очень показательна в этом смысле точка зрения одного из ведущих политиков страны В. А. Никонова, рассуждающего, «что ждет Россию в мире будущего»:

«Исламская цивилизация – единственная среди всех, отвергающая модель универсальной глобализации. И в то же время сохраняющая силу мессианской идеи ислама как всемирной религии... Ни у одной конфессии нет такого количества приверженцев, преданных своей вере страстно и самоотверженно. Известно огромное количество случаев перехода в ислам из других религий, в том числе из христианства, а переход в обратном направлении – редчайшее исключение»³.

По сложившейся издавна практике посольства арабомусульманских государств, аккредитованных в столице [всего в Москве расположено 32 посольства. — Ф. А.], осуществляют духовную поддержку московских единоверцев, часто участвуя в ежегодных религиозных праздниках Ураза-байрам и Курбан-

¹ Бартольд В. В. Ислам. Пг., 1918. С. 92.

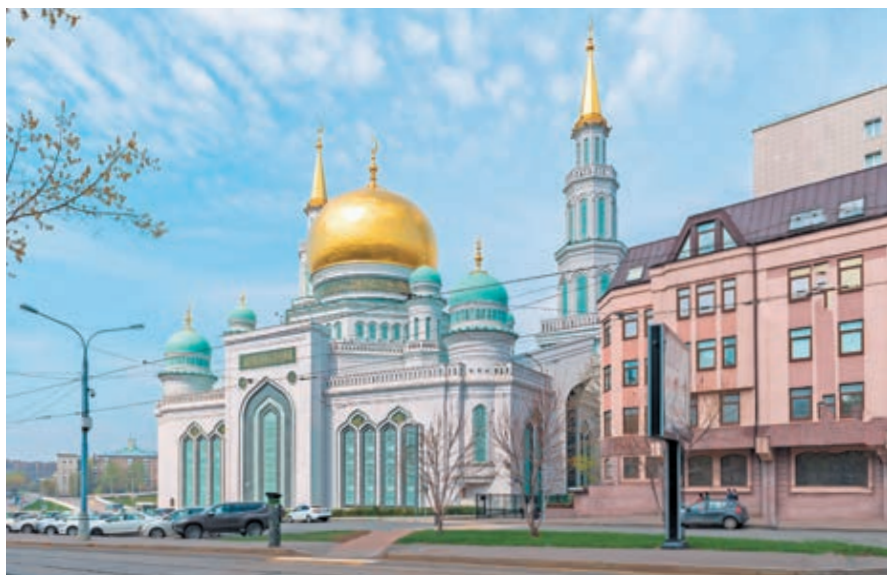
² См. об этом: Асадуллин Ф. Москва мусульманская. М., 2004.

³ Никонов В. А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего. М., 2015. С. 479.

байрам, а также открывая свои двери в дни пятничных мусульманских богослужений. Иранское посольство активно использует свою мечеть для популяризации духовного наследия своего государства. Попытки искусственного ограничения проявлений религиозности мусульман при явном дефиците мусульманских храмов еще несколько лет назад приводили к обратному результату: открытию «альтернативных» мечетей, так называемых неофициально действующих «этномусалля» (земляческих молелен), что часто было причиной жалоб граждан близлежащих улиц и рассматривалось как угроза нарушения правопорядка. По неофициальным данным в Москве на оптовых рынках и местах компактного проживания мусульман-мигрантов продолжают действовать около двух десятков узбеко-таджикских, афганских, бенгальских, арабо-сирийских мусалля — молельных помещений.

В условиях роста религиозности среди мусульман имеющееся сегодня количество мечетей и выделенных для молитвы площадей уже является критически недостаточным. Доступная статистика, касающаяся количества мечетей и иных мусульманских культовых зданий в Лондоне, Берлине, Амстердаме и Брюсселе и других европейских столицах говорит не в пользу Москвы. Заново открывшая свои двери после реконструкции в 2015 г. Московская Соборная мечеть, безусловно, очень важный шаг в исправлении ситуации с нехваткой мусульманских храмов. Она, если не брать два основных мусульманских праздника, в основном обслуживает верующих Центрального административного округа столицы и городских районов в пределах Третьего транспортного кольца. Мусульманская общественность столицы настойчиво ставит вопрос о строительстве новых мечетей в каждом округе пропорционально количеству верующих. На сегодняшний день мэрией запланирована одна мечеть в Новой Москве.

Лучшим способом интегрировать ислам в историко-культурный ландшафт города является визуализация ислама в городской среде через создание под контролем московских властей и Московского муфтията современной исламской инфраструктуры, что позволит создать надежный механизм гармонизации и регулирования

Московская Соборная мечеть

Интерьер московской Соборной мечети

межнациональных отношений с одновременной профилактикой радикализма на религиозной почве.

Евразийская Москва, имеющая многовековую историю тесного межэтнического сотрудничества и взаимодействия, внушает оптимизм в успешность реализации этих планов. Рассуждая о проблемах, связанных с процессами социализации мигрантов и поиском путей их адаптации, важно отметить опыт татарской общины, который может быть во многом показательным для новых мусульманских этносов, обживающих Москву и Подмосковье. Процесс поиска золотой середины между собственной традиционной культурой и верой, с одной стороны, и новой окружающей социальной действительностью, с другой, может быть долгим и тернистым. Он проходит через провоцируемые разными историческими и жизненными обстоятельствами взаимную настороженность и отчужденность. Московские татары, демонстрируя свои заложенные ходом истории адаптивные способности, тест на эту культурную совместимость с русским этносом прошли достаточно сложным эволюционным путем, но в итоге сохранили свой язык, веру и обычаи. Современное поколение московских татар (сохранившее в массе свое этническое и нередко религиозное самосознание) можно причислить к носителям смешанной (русско-татарской) культуры с двойной социальной характеристикой.

Если обратиться к интеллектуальному наследию российской общественной мысли, то в концепции «русско-мусульманского консенсуса» известного крымско-татарского просветителя Исмаила Гаспринского (1851–1914) содержится не потерявшая своей актуальности идея множественной идентичности отечественных мусульман, соединяющая их этнорелигиозный статус с общероссийским гражданским. Агентами интеграционного сближения национальных культур могут быть объединяющие горожан проявления городской действительности и культурного досуга горожан — деятельность школьных и детских учреждений, просветительских и учебных заведений, музейные выставки, круглые столы и образовательные проекты Департамента культурного наследия Москвы, лекции Московского дома национальностей

**Памятник Габдулле Тукаю
в Москве на пересечении
Новокузнецкой улицы и Малого
Татарского переулка**

**Памятник Мусе Джалилю в Москве
на улице Мусы Джалиля**

и просветительских центров «Дар» и «Этносфера». Взамен абстрактным словам про «дружбу народов» в «лучшем городе Земли», часто звучащим на официальных столичных площадках и протокольных мероприятиях, авторы этих проектов демонстрируют на конкретных примерах богатство всех национальных и религиозных традиций, представленных в городском пространстве.

Одним из важных факторов гармонизации межнациональных отношений по-прежнему остается также демонстрация многонационального характера российской истории и культуры. В современной Москве действуют 84 землячества и национально-культурные автономии проживающих в столице народов и народностей. Признавая факт значительной роли представителей мусульманской интеллигенции в истории страны, в Москве в мае 2011 г., недалеко от Дома Асадуллаева, был открыт памятник Габдулле Тукаю, в августе 2012 г. на одноименной улице был открыт монумент Герою Советского Союза Мусе Джалилю, в июне 2013 г. — памятник Расулу Гамзатову, что вызвало положитель-

ный отклик среди старейшин татарской и дагестанской общин. Имена Салямы Адиля, Мусы Джалиля, Ахмада Кадырова и уже упоминавшихся известных мусульманских деятелей присвоено ряду московских улиц, что также лишний раз подчеркивает яркую полиэтничную палитру Москвы.

«Новая нормальность» Москвы

Московская веротерпимость, о которой еще в эпоху царя Алексея Михайловича и его сына Петра I говорили иностранные послы, и сегодня остается одной из главных характеристик общественной жизни столицы. Современная Москва — это огромный мегаполис, мусульманская составляющая которого, по прогнозам ученых, в условиях глобализации будет меняться в сторону увеличения ее количественных показателей и соответственно роста ее значения в социально-экономических процессах, культурной трансформации городского пространства. Уже сегодня российская столица с учетом быстро развивающихся национальных диаспор из Азербайджана, республик Северного Кавказа, центральноазиатских и других исламских государств (Египет, Сирия, Ливан, Пакистан, Турция) является численно самым крупным мусульманским городом России, насчитывающим более трех миллионов человек, этнически и духовно связанных с исламом.

Характеризуя современное мусульманское сообщество, можно сказать, что в нем сегодня представлен практически весь этноконфессиональный спектр ислама как мировой религии — от курируемого Ага-ханом исмаилизма и других шиитских деноминаций до традиционных для России правовых школ ханафизма и шафиизма в салафитской (ортодоксально-традиционной) либо иной версии, а также многообразие действующих полуофициально суфийских тарикатов, включая магрибинские или другие экзотические его ответвления. Плюрализм исламского вероучения дает возможность проявить свои индивидуальные предпочтения многим неوفитам, которые, стремясь найти свое место в религии Аллаха, позиционируют себя то адептами совершенно нетипичных для

Африка знакомится с Москвой

мусульманского сообщества России правовых школ маликизма или ханбализма, то мюридами ордена Тиджания или мусульманской эзотерики в духе французского мыслителя Рене Генона.

По прогнозам ученых, несмотря на вспышки исламофобии и случаи этнической дискриминации, а также возникающие (например, в связи с планами строительства новых мечетей) административно-бюрократические барьеры, роль исламского фактора в общественном сознании и жизни города будет, скорее всего, возрастать. Институт национальной стратегии (ИСР) в докладе «Социальные риски иммиграции» еще десять лет назад прогнозировал «резкое увеличение миграции со стороны Средней Азии»¹. Существующая статистика демонстрирует оправданность этого прогноза, а ведущие специалисты, указывая на важность государственного регулирования, в подавляющем большинстве признают ее безальтернативность.

В этой связи надо признать, что трудовая миграция несет не только экономические и хозяйственные выгоды (в 2020 г. мигранты пополнили бюджет столицы на 17 млрд. рублей), вместе

¹ Независимая газета. 13 июля 2014.

с ней иногда мигрируют деструктивные и вредные идеи, несовместимые с мирной жизнью многонационального мегаполиса. Это еще раз подчеркивает значение мечетей, выполняющих функции социализации мигрантов, а значит, и профилактики возможных правонарушений. Отметим, что практически все известные мегаполисы сталкиваются с подобными проблемами.

Экстраполируя существующий европейский опыт на московские реалии, можно предположить, что угроза «параллельного общества» у нас может актуализироваться тогда, когда во взрослую жизнь вступит поколение детей и внуков натурализованных в России мигрантов и нелегалов, уже имеющих либо претендующих на российское гражданство.

«Будут ли они россиянами, как они будут себя ощущать и не возникнет ли между ними и коренным населением стена, подобная той, которая уже разделяет европейские общества, — отмечает В. В. Наумкин, *— от этого во многом будет зависеть спокойствие наших граждан в ближайшей перспективе. Длительный исторический опыт сосуществования различных этнических и конфессиональных групп в российском обществе позволяет надеяться на благополучный исход. Однако наша неспособность покончить с раковой опухолью агрессивного национализма, особенно в среде молодежи, внушает тревогу...»¹*

Для того чтобы избежать такого сценария, необходимо наряду с обычными для большого города хозяйственно-экономическими и социальными вопросами отрегулировать проблему нелегальной миграции и, как следствие, избыточного населения, что позволит уровень межнациональных и межконфессиональных

¹ Наумкин В. В. Арабский мир. Ислам и Россия: прошлое и настоящее. М., 2013. С. 281.

отношений привести в соответствие с интересами жителей московского мегаполиса и общей стратегией развития столицы на ближайшие годы.

По словам выдающегося ученого Е. М. Примакова, высказанным еще 10 лет назад, иммиграция должна быть *«заклочена в жесткие законодательные и исполнительные рамки»*, чтобы люди,

«поработавшие в России, не только оставаясь в нашей стране, но и уезжая на родину, оставались нашими преданными, искренними друзьями»¹.

Важно подчеркнуть, что в Программе демографического развития Москвы, направленной на обеспечение баланса интересов населения Москвы, в качестве стратегической цели поставлена задача сделать город благожелательным к каждому своему жителю независимо от места рождения и исхода.

Вместе с тем важно, объективно оценивая возросшее значение исламского фактора в стране и мире², на деле через федеральные и городские социальные и культурные программы расширять знание россиян об исламе как неотъемлемой части исторического наследия народов многонационального Российского государства.

Задумываясь о том, каким будет будущее столицы Российской Федерации, можно прогнозировать, что ее главной и определяющей чертой останется тесное продолжающее взаимодействие разных, обусловленных предыдущим ходом истории, этнокультурных и духовных традиций, лежащих в основании многонациональной страны и ее столицы. Издавна существуя, по словам де Кюстина, как место «свидания» Азии и Европы, современная Москва, превратившись на рубеже XX–XXI вв.

¹ Выступление академика Е. М. Примакова // Проблемы совершенствования и применения государственной политики в отношении иммиграции в России: материалы заседания «Меркурий клуба». М., 2014.

² Согласно прогнозу социологической службы Pew Research Center, к 2050 г. число последователей ислама увеличится на 73 %, с 1600 млн до 2761 млн человек и впервые в истории практически сравняется с количеством христиан в мире.

в «глобальный город», представляет сегодня перекресток самых разных цивилизационных потоков, соединяющих культурное многообразие Азии и Европы, Востока и Запада.

«В сегодняшней Москве довольно много локаций, которые определяли жизнь нескольких поколений москвичей, — пишет главный редактор журнала “Московское наследие” Филипп Смирнов. — И очень важно, относятся ли они к так называемым “коренным” (а мы знаем, что прослойка этих москвичей ничтожно мала и не более 2–3 % жителей города могут быть отнесены к этой категории, что само по себе является статистической погрешностью) или к сообществу недавно обретших этот статус»¹.

Эти отмеченные тренды развития городской среды можно рассматривать как в контексте объявленного в 2023 г. государственного курса на культурную и социальную диверсификацию страны, так и актуализации важности значения для мегаполиса антропоцентрического подхода, подчеркивающего

«роль человека как генератора и носителя всех социальных инноваций»².

Современная Москва как место соединения и трансформации множества больших и малых локальных идентичностей (или, говоря простыми словами, самых разных человеческих судеб) может стать примером взаимообогащающегося сосуществования этносов столицы, где взамен идеологии национальной исключительности и превосходства восторжествует идеология межнационального взаимоуважения.

¹ Московское наследие. 2023. № 6 (90). С. 5.

² Город в контексте глобальных процессов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 271.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абалкин Л. Россия: поиск самоопределения. Очерки. М., 2002.

Акбулатов Ш. Рассказ о касимовском купце Акбулатове Хабибуле, благодаря стараниям и средствам которого построена Московская соборная мечеть // Ислам минбаре, 1998. № 4. С. 7.

Аликберов А. К. Человек и история в цифровую эпоху. Многомерный подход. М., 2023.

Арбатский архив. Вып. II. Историко-краеведческий альманах. М., 2009.

Арапов Д. Ю. Присяга мусульман в российских законодательных актах и юридической литературе XIX в. // Древнее право. М., 2002. № 2 (10). С. 252–262.

Асадуллин Ф. Urban islam как новый этнокультурный феномен современного европейского мегаполиса: от ретроспективы к перспективному видению проблемы // Islamology. 2018. Т. 8 (№ 1).

Асадуллин Ф. А. Восток в историческом наследии Москвы. М., 2023.

Асадуллин Ф. А. Мир ислама в общественно-культурном пространстве Москвы: опыт прошлого и современность. М., 2015.

Асадуллин Ф. А. Москва мусульманская. М., 2004.

Асадуллин Ф. А. Многонациональный мир Москвы: от города к мегаполису. М., 2014.

Асадуллин Ф. А. От Кучки до Гайнутдина: мусульманский мир Москвы. М., 2022.

Асадуллин Ф. А. Русское летописное наследие в свете кросс-культурных связей тюркских и славянских народов России: от «идеологии молчания» к идеологии этноконфессионального согласия // Вестник Института востоковедения РАН. 2019. № 1. С. 140–152.

Бартольд В. В. Работы по истории ислама и арабского халифата. М., 2002.

Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. Т. 9. М., 1977.

Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979/

Баталов А. Л., Беляев Л. А. Сакральное пространство Москвы. М., 2010.

Баталов А. Л. Собор Покрова Богородицы на Рву. История и иконография архитектуры. М, 2016.

Батюшков К. Н. Прогулки по Москве // Очерки московской жизни. М., 1962.

Беляев И. Д. Сказание о начале Москвы // Русский вестник. М., 1868. Т. 74. № 3–4 [март — апрель].

Брук Д. История городов будущего / пер. с англ. Д. Симонский. М.: Strelka Press, 2014.

Бьюкенен П. Смерть Запада. М., 2003.

Варьяш И. И. Мусульманская Европа. Сигналы идентичности. СПб., 2020. С. 145; *Шукуров Р. М.* Тюрки в византийском мире. 1204–1461. М., 2016.

Векслер А. Г. Спасательная археология Москвы. Избранные статьи и материалы. М., 2006.

Векслер А., Мельникова А. Московские клады. М., 1973.

Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М., 2002.

Вершинина Н. Г. Иноземцы и иноземные слободы в Москве в XVII веке. М., 1948.

Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974.

Вивьерка М. Формирование различий // Социологические исследования. 2005. № 8.

Вяземский П. Очерки Москвы. М., 1916.

Глазычев В. Л. От традиционной формы города — к мегаполису // Города мира — мир города: коллективная монография. М., 2009.

Город в контексте глобальных процессов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011.

Гумилев Л. Н. От Руси к России. М., 2007.

Забелин И. Е. История города Москвы, М., 1996.

Забелин И. Е. Черты московской самобытности. М., 2007.

Загоскин М. Н. Москва и москвичи. Избранные главы. М., 2019.

Зайцев И. В. Из истории московской мусульманской общины в начале XVIII в.: дело о московском муэдзине (1712 г.) // *Turcica et Ottomanica: В честь 70-летия М. С. Мейера.* М., 2006.

Зиновьев А. А. Глобальный человек. М., 1997.

Иностранцы о древней Москве: Москва XV–XVII вв.: сб. М., 1991.

Ислам в России в 2011 году: достижения, проблемы, перспективы. Совет муфтиев России. М., 2012.

Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Выпуск 1. М., 1998. С. 97–98.

Казанова Дж. Мемуары. СПб., 1887.

Карамзин Н. М. Записки старого московского жителя. М., 1986.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. Т. VII–IX. М., 1998.

Карамзин Н. М. Предания веков. Сказания из «Истории государства Российского». М., 1988.

Карпов А. Андрей Боголюбский. М., 2014.

Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990.

Кондратьев И. К. Седая старина Москвы. М., 2002.

Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А., Гусева С. В. Москва в эпоху Средневековья. Очерки политической истории XII–XV столетий. СПб., 2021.

Крогиус В. Р. Исторические города России как феномен ее культурного наследия. М.: Прогресс-Традиция, 2009.

Кульбачевская О. Особенности межэтнических отношений в российской столице // Вестник российской нации. 2012. № 4–5.

Культурная сложность современных наций / под ред. В. А. Тишкова, Е. И. Филипповой. М., 2016.

Кюстин А., де. Николаевская Россия. М., 1990.

Любавский М. К. Возвышение Москвы // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 1. М., 1909.

Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб. 2000.

Марджани Шигабутдин. Рихлят ал-Марджани («Путевые заметки Марджани») // Марджани о татарской элите (1789–1889). М., 2009.

Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2009.

Многонациональная культура Москвы. М., 2009.

Моисеев М. В. Выезд «татар» и восточная политика России в XVI веке // Иноземцы в России в XV–XVII веках: сборник материалов конференций. М., 2006.

Москва глазами иноземцев. М., 2009.

Московия: рождение двуглавого орла / под ред. Р. Р. Аббясова. М., 2022.

Московская старина. Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989.

Мурзаев Э. М. Тюркские географические названия. М., 1996.

Наумкин В. В. Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее. М., 2013.

Никонов В. А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего. М., 2015.

Нортон Э. К мусульманскому вопросу / пер. с англ. А. Лазарева. М., 2016.

Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и Персию. М., 1996.

Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. М., 2007.

Пиотровский М. Б. Основные черты арабской исламской художественной культуры. М., 1984

Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.

Повесть о начале царствующего града Москвы // Изборник: Повести Древней Руси. М., 1987.

Пыляев М. Старая Москва. М., 2001.

Рапов О. М. Кто срубил град Москву на Боровицком холме. М., 1997.

Родригес-Фернандес А. М. Мигранты и диаспоры: системные особенности и адаптации // Сагадеевские чтения — 2022. Материалы научной конференции. М., 2022.

Садур В. Г. Татарское население Москвы (1860–1905) // Этнические группы в городах европейской части СССР. М., 1987.

Салмина М. А. Повести о начале Москвы. М.-Л., 1964.

Смирнов А. П. Древняя Русь и Волжская Булгария // Славяне и Русь. М., 1968.

Татищев В. Н. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Наука, 1962–1979.

Титаренко М. Л. Евразийство как парадигма сосуществования и расцвета многообразия культур и цивилизаций // Евразийская интеграция. Вып. 1. СПб., 2014.

Титаренко М. Л. Россия лицом к Азии. М., 1998.

Тихомиров М. Н. Древняя Москва XII–XV в. М., 1999.

Тихомиров М. Н. Труды по истории Москвы. М., 2003.

Толстой А. Москва до XIX в. // Москва / под ред. А. Ковалева. М., 1935.

Толстой В. П. Города в истории мировых цивилизаций // Города мира — мир города. Коллективная монография. М., 2009.

Топоров В. Н. Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования. М., 1982.

Трубецкой Н. С. К проблеме русского самопознания // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М., 1999.

Трубецкой Н. С. История. Культура, Язык. М., 1995.

Уотт У. М. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1972; Lewis B. Islam and the West. Oxford University Press. 1993.

Федотов Г. П. Три столицы // Новый мир. 1989. № 1–2.

Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. М., 2016.

Формозов А. А. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М., 2007.

Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М., 2006.

Хайретдинов Д. Мусульманская община Москвы в XIX — начале XX вв. Н. Новгород, 2002.

Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2004.

Шамаро А. Путешествие по «Татарской Москве» // Евразия. 1993. № 2.

Шамаро А. Татарский пласт в русской культуре // Ислам минбаре, 1995. № 3–4. С. 6.

Шамбинаго С. К. Старая Москва: в 2 ч. М., 1903.

Шамбинаго С. К. Повести о начале Москвы // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. III. М.-Л., 1936.

Carr E. H. What is History. L., 1964.

Morton Henry V. In search of London. 1951.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абалкин Л. И. — 66
Абу-л-Касим Мухаммад ибн Хаукаль ан-Нисиби — 50
Абянов Р. В. — 47
Аверьянов К. А. — 47
Агеев Х. Р. — 42
Адилъ Саям (Хусейн Ахмед Ар-Рады) — 82
Аепа (Айюб) Осенев — 60
Александр I — 26
Алексей Михайлович — 49, 52, 82
Аликберов А. К. — 33
Андрей Боголюбский — 35, 52, 53, 58, 60, 61

Бартольд В. В. — 77
Баталов А. Л. — 46
Батюшков К. Н. — 39
Бахрушин С. В. — 35
Беляев И. Д. — 38
Беляев Л. А. — 46
Босуэлл Дж. Л. — 34
Брук Д. — 75

Векслер А. Г. — 46
Вернадский Г. В. — 28
Вистенгоф П. Ф. — 38
Вяземский П. А. — 39

Гамзатов Р. Г. — 82
Гаспринский И. — 80
Генон Рене — 83
Герасимов М. М. — 35, 61
Герцен А. В. — 27
Гиляровский В. А. — 43
Глазычев В. Л. — 17

- Гумилев Л. Н. — 51,
Гусева С. В. — 46
- Джалиль М. М. — 82
- Забелин И. Е. — 35, 40, 43
Загошкин М. Н. — 35, 40, 43
Зайцев И. В. — 47
Зиновьев А. А. — 30
- Ибн Руста — 50
Иван Грозный — 38
- Кадыров А. А. — 82
Казаново Дж. — 24
Карамзин Н. М. — 26, 34, 36, 68, 52
Карпов А. Ю. — 60
Карр Э. Х. — 34
Ключевский В. О. — 50
Козляков В. Н. — 46
Кондратьев И. К. — 39
Кондрашов Л. В. — 46
Контарини А. — 24
Кривошеев Ю. В. — 46
Кучка Аким — 52
Кучка Петр — 52
Кучка С. И. — 36, 45, 49, 52, 53, 55, 56, 58
Кучкин В. А. — 46
Кюстин А. де — 26, 85
- Любавский М. К. — 42, 50
- Мегилл А. — 48
Миллер Г. Ф. — 38
Милов Л. В. — 30
Моисеев М. А. — 47
Мортон Г. В. — 34
- Николай I — 43
Никонов В. А. — 77
Нортон Э. — 75
- Панова Т. Д. — 46
Пашуто В. Т. — 35
Петр I — 82
Примаков Е. М. — 84
Пушкин А. С. — 25
Пыляев М. И. — 39

- Рапов О. М. — 46, 57
Родригес-Фернандес А. М. — 76
Салмина М. А. — 45, 46
Сассен Саския — 67
Сафаров М. А. — 47
Смирнов А. П. — 51
Смирнов Ф. И. — 86
Собянин С. С. — 65, 72
Соколов Р. А. — 46
Сумароков А. П. — 37, 38
Татищев В. Н. — 36, 37, 38, 55
Тит Ливий — 16
Титаренко М. Л. — 68
Тихомиров М. Н. — 31, 35, 44, 45, 46, 52, 53, 56, 57, 61
Толстой А. Н. — 44
Толстой В. П. — 6
Топоров В. Н. — 55
Трубецкой Н. С. — 28
Тукай Г. — 82
Улита — 52, 58
Федор Иоанович — 38
Федотов Г. П. — 28
Флорида Р. — 76
Формозов А. А. — 29
Фуко М. — 32
Хаттон П. — 33
Хузин Ф. Ш. — 47
Чаадаев П. Я. — 32
Шамбинаго С. К. — 43, 45, 53
Шамсуддин аль-Мукаддаси — 50
Шмидт С. О. — 29, 46
Юрий Андреевич, князь — 60
Юрий Долгорукий — 25, 35, 38, 51, 52, 53, 55, 56, 60

ПРИЛОЖЕНИЕ

132 ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ. № 3.

Таковы были труды проповедника Гурія въ далекой Сибири.

Священникъ А. Ивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Нѣсколько краткихъ свѣдѣній о татарахъ-мусульманахъ г. Москвы.

Нужно сознаться, что наши свѣдѣнія о татарахъ-мусульманахъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи, очень ограничены и скудны. Еще мы знаемъ кое-что о татарахъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они живутъ сплошными массами, напр. Казанской губерніи и т. п., но о тѣхъ татарахъ-мусульманахъ, которые живутъ въ русскихъ городахъ, среди русскаго населенія, намъ почти ничего неизвѣстно. Многіе ли напр. даже изъ москвичей знаютъ, что въ г. Москвѣ живетъ нѣсколько тысячъ татаръ-магометанъ, которые составляютъ правильно-организованную религіозную общину? Совсѣмъ какъ-то нелюбопытныя и даже не любопытныя мы въ этомъ отношеніи, и не интересуемся знать о людяхъ, которые живутъ съ нами даже рядомъ... Поэтому я считаю не лишнимъ подѣлиться съ читателями *Прав. Благовѣстника* тѣми свѣдѣніями, — какія удалось мнѣ, отчасти благодаря счастливому случаю, собрать о татарахъ, живущихъ въ г. Москвѣ.

2 января настоящаго года мнѣ пришлось ѣхать изъ Казани въ Костромѣ. Садясь въ поѣздъ ж. д., я увидѣлъ, что со мной вмѣстѣ ѣдетъ довольно много молодыхъ мусульманъ-татаръ.

Поѣздъ нашъ, отойдя немного отъ Казани, остановился, по обычаю, у полустанціи „Пороховая“. Здѣсь большинство молодыхъ татаръ-мусульманъ оставили поѣздъ. Оказалось, они до этой станціи провожали двухъ своихъ товарищей по ученію.

Поѣздъ пошелъ дальше и приблизился къ берегу Волги. — Такъ какъ моста черезъ Волгу здѣсь пока нѣтъ, то всѣмъ пассажирамъ предстояло — забрать свои вещи, и на лошадахъ пере-

Приложения

№ 3.

МОСКОВСКІЕ МУСУЛЬМАНЕ.

133

правившись через Волгу, сѣсть уже въ поѣздъ прямого сообщенія съ Москвой. Здѣсь я опять увидѣлъ знакомыхъ двухъ молодыхъ татаръ: въ вагонѣ пока только мы трое и были.

Я положилъ свои вещи и вступилъ въ разговоръ со своими дорожными спутниками.

— Далеко ли ѣдете, господа?—спросилъ я ихъ.

— До Москвы, — былъ отвѣтъ.

— Ну, значить, попутчики: и я тоже до Москвы ѣду. — Не сѣсть ли намъ, поэтому, вмѣстѣ; такъ будетъ удобнѣе, тѣмъ болѣе, что путь нашъ не маленькій.

Такъ что же?—прекрасно; займемъ вотъ это отдѣленіе вагона; для насъ троицхъ—его будетъ вполне достаточно.

Послѣ этого мои спутники начали перетаскивать свои и даже мои вещи въ одно мѣсто. Я благодарилъ ихъ за любезность, просилъ не беспокоиться, но они дѣлали свое.

Размѣстившись и устроившись, мы вступили въ бесѣду. Первымъ заговорилъ я.

— Какъ бы намъ сообразить теперь относительно чайку? Кажется, уже около 4-хъ часовъ вечера. Кстати, и вамъ тоже можно теперь закусить, такъ какъ солнце уже заходить. Я знаю, что у васъ въ настоящее время „ураза“ (постъ). Знаю и то, что вамъ, — по правиламъ вашей вѣры, — нельзя кушать до захода солнца.

— Да, вы совершенно вѣрно говорите, — сказалъ мнѣ въ отвѣтъ одинъ изъ моихъ спутниковъ.

Я сталъ ихъ разспрашивать о мѣстѣ ихъ постоянного жительства. На это старшій изъ нихъ отвѣчалъ:

— Мы учащіяся; учимся мы въ г. Казани, въ Апанаевскомъ медресе, и теперь ѣдемъ домой на праздники, въ г. Москву. Тамъ наше постоянное мѣстожительство; тамъ у насъ отецъ, мать и вся наша семья.

— А скажите, пожалуйста, много ли мусульманъ въ г. Москвѣ?

— Теперь насчитывается ихъ около 10,000. Раньше, до 1883 г., ихъ было мало—тысячи 2—3; послѣ этого численность

3*

ихъ все возрастала, и вотъ теперь, какъ я слышалъ отъ своего отца, ихъ около 10.000.

За этими вопросами съ моей стороны послѣдовали другіе, и вотъ что я узналъ отъ своихъ собесѣдниковъ о московскихъ мусульманахъ.

Мусульмане поселились въ Москвѣ довольно давно. На памяти одной семьи моихъ спутниковъ насчитывается цѣлое столѣтіе ея пребыванія въ Москвѣ: ихъ отецъ родился въ Москвѣ, а ему уже 70 лѣтъ, да дѣдушка ихъ раньше этого жилъ въ Москвѣ лѣтъ 30.

Всѣ почти московскіе мусульмане русскаго происхожденія, — выходцы изъ разныхъ русскихъ губерній, именно: изъ Рязанской (Касимовскаго уѣзда), Тамбовской (Елатомскаго у.), Пензенской (Краснослободскаго у.), Казанской, Уфимской. Есть впрочемъ немного мусульманъ изъ Азіатской Россіи, напр., изъ Средней Азій, Тобольской губерніи и проч.

До 1883 г. московскіе мусульмане населяли слободу, на мѣстѣ которой въ настоящее время образовались — „Большая и Малая Татарскія улицы“, съ прилегающими къ нимъ переулками. У каждой почти сколько-нибудь зажиточной татарской семьи здѣсь есть свой домъ. Проѣзжая по „Большой Татарской“ улицѣ, вы видите на выѣскахъ домовъ фамиліи — „Исаковъ“, „Агѣевъ“, „Ибрагимовъ“ и др. въ этомъ родѣ.

Основное занятіе живущихъ въ Москвѣ мусульманъ — торговля. Богатые мусульмане имѣютъ собственные магазины съ мѣховымъ (главнымъ образомъ), галантерейнымъ и др. товаромъ. Всѣ, кто не имѣетъ своихъ магазиновъ, торгуютъ отъ русскихъ. При этомъ, они или служатъ въ магазинахъ послѣднихъ, или — что случается чаще — торгуютъ въ разность по домамъ. Бѣдные изъ татаръ нанимаются въ дворники, извозчики и на другія черныя работы.

Всѣ татары, жители Москвы, по религіи — мусульмане. На „Большой Татарской“ ул. у нихъ находится мечеть. До 1883 г. мечеть была деревянная, вмѣщавшая въ себѣ не болѣе 800 — 1000 человекъ. Съ увеличеніемъ же населенія, естественно, явилась надобность въ расширеніи мечети. Въ 1883 г. мусульмане

Ля 3.

МОСКОВСКІЕ МУСУЛЬМАНЕ.

135

Москвы обращались къ покойному государю императору, Александру III, съ просьбой—разрѣшить, вмѣсто деревяннаго зданія мечети, построить болѣе обширное каменное. Разрѣшеніе было дано, и теперь московскіе мусульмане имѣютъ у себя каменную мечеть.

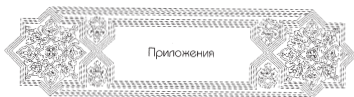
Мечеть эта—большое каменное зданіе; стоитъ она внутри двора, обнесеннаго каменною оградой. Въ оградѣ, со стороны „Большой Татарской“ ул., — желѣзныя ворота съ двумя калитками¹⁾. На крышѣ мечети видны нѣсколько башенъ, заканчивающихся полушестнадцатиметровыми. Надъ входомъ въ мечеть возвышается большая каменная башня. Это — такъ называемый — минаретъ, т. е., мѣсто, съ котораго азанча или муэззинъ призываетъ мусульманъ къ совершенію молитвы. Входъ въ мечеть съ лѣвой стороны ея, по лѣстницѣ, которая ведетъ въ продолговатую комнату—прихожую. Здѣсь находятся деревянныя полки, на которыхъ мусульмане складываютъ свои колоши, обязательно снимаемые ими при входѣ въ мечеть. Съ лѣвой стороны прихожей дверь ведетъ во внутренность мечети.

Самая мечеть двумя рядами четырехугольных столбовъ (по 4 съ каждой стороны) дѣлится на три части: изъ нихъ—средняя—самая большая, а двѣ боковыхъ поменьше. Надъ послѣдними устроены хоры, опирающіеся на вышеупомянутые столбы. Всѣ три отдѣленія предназначены для молящихся. Средняя—главная изъ нихъ заканчивается полукруглымъ углубленіемъ. Это углубленіе—*михрабъ*, (ниша), т. е., мѣсто, показывающее положеніе главной святыни всего мусульманскаго міра—г. Мекки.

Полъ средняго отдѣленія мечети застланъ коврами, а двухъ боковыхъ комнатъ зеленымъ сукномъ.

Въ каждой мечети, вправо отъ михраба, возвышается *минбаръ*, открытая каеэдра съ нѣсколькими ступеньками и перилами. Минбаръ — неперемѣнная принадлежность мусульманской мечети. Съ высоты его въ пятничныя (праздничныя — по-мусульмански) день, мулла мечети или ахунъ произносятъ поученіе. Въ мос-

¹⁾ Описаніе мечети составлено нами на основаніи личнаго осмотра ея 4 января с. г. Лом.

ковской мечети два минбара по обѣимъ сторонамъ михраба. На оконечностяхъ периль минбаровъ возвышаются полумѣсяцы. Около каждаго минбара стоитъ посохъ, который держатъ въ рукахъ мулла или ахунъ, во время произношенія хутбы (поученія).

Въ главномъ отдѣленіи мечети съ потолка спускаются три паникадила, у входа, посрединѣ и въ михрабѣ. Первые два паникадила большія по размѣру—серебряныя, а третье—поменьше—золотое. Во всѣхъ трехъ паникадилахъ вставлены стеариновые свѣчи.

Около михраба, по обѣимъ сторонамъ его, стоятъ два большихъ подсвѣчника, очень похожіе на тѣ, какіе ставятся предмѣстными иконами въ нашихъ церквахъ. Въ срединѣ ихъ вставлены большія свѣчи, съ позолотой, а кругомъ ихъ нѣсколько малыхъ—стеариновыхъ.

На каждомъ изъ 8-ми столбовъ находится по одному малому, висячему подсвѣчнику съ двумя стеариновыми свѣчами. Такіе же подсвѣчники и на стѣнахъ мечети.

Надъ двумя боковыми отдѣленіями мечети устроены хоры, на которые ведутъ двѣ узкія лѣстницы съ перилами, расположенныя по обѣимъ сторонамъ входной двери. Хоры имѣютъ рѣшетки, на которыхъ также прикрѣплены подсвѣчники, съ двумя стеариновыми свѣчами въ каждомъ.

При мечети мусульманъ г. Москвы есть нѣсколько должностныхъ лицъ. Первый изъ нихъ—ахунъ. Это—старшій мулла. Въ настоящее время ахуномъ состоитъ Хайридинъ Агѣевъ. Это—убѣжденный сѣдинами старичекъ, лѣтъ 70-ти. Самъ онъ—выходецъ изъ Сибири. Женатъ на мусульманкѣ, родомъ изъ г. Касимова, Рязанской губ. Хайридинъ—отецъ многочисленнаго семейства. Онъ человѣкъ очень образованный какъ по-мусульмански, такъ отчасти и по обще-европейски. Мусульманское образованіе онъ получилъ въ Апанаевскомъ медресе, въ г. Казани. Во время ученія въ послѣднемъ онъ былъ знакомъ съ извѣстнымъ (теперь покойнымъ) дѣятелемъ по просвѣщенію инородцевъ, знатокомъ востока и мусульманства—Н. И. Ильминскимъ. Ник. Изъ—чь часто самъ приходилъ въ медресе, съ цѣлью побесѣдовать съ Хайридиномъ о религіозныхъ предме-

Ля 3.

МОСКОВСКІЕ МУСУЛЬМАНЕ.

137

тахъ. Изъ дальѣйшей жизни Хайридина Агѣева извѣстно, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ объясненіи Корана, при переводѣ К. Николаевымъ „Корана Магомета“ Казимирскаго на русскій языкъ. Сыновья Хайридина говорили мнѣ, что, исполняя эту работу, отецъ ихъ просматривалъ 14—15 книгъ объясненій Корана. Въ настоящее время Хайридинъ занимаетъ мѣсто преподавателя мусульманскаго вѣроученія во всѣхъ тѣхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Москвы, гдѣ получаютъ образованіе мѣстные татары-мусульмане.

Кромѣ ахуна при московской мечети есть — мулла, азанча и служители. Обязанность муллы — быть предстоятелемъ всего мусульманскаго общества, при совершеніи мусульманами какъ ежедневныхъ пятикратныхъ молитвъ, такъ и праздничной — въ пятницу. Кромѣ этого, съ точки зрѣнія и мусульманскаго закона, и русскаго законодательства — мулла завѣдуетъ дѣломъ обученія дѣтей мусульманъ: онъ ответственное лицо за направленіе находящейся при мечети школы.

Главное дѣло азанчи или муэззина — возгласеніе о наступленіи часа совершенія молитвы ежедневной и пятничной. Съ минарета онъ выкрикиваетъ на арабскомъ языкѣ слѣдующія слова азана: „Великъ Богъ (4 раза); я исповѣдую, что нѣтъ божества, кромѣ Единаго Бога (2 раза); я исповѣдую, что Мухаммедъ — посланникъ Божій (2 раза); спѣшите на молитву (2 раза); спѣшите ко спасенію“ (2 раза). Таково общее содержаніе азана. Къ этимъ словамъ, предъ наступленіемъ утренней молитвы, азанча присоединяетъ: „молитва лучше сна (2 раза); Богъ великъ (2 раза); нѣтъ божества, кромѣ Единаго Бога“ (одинъ разъ). Азанча мечети мусульманъ г. Москвы недавно сочинилъ и издалъ указатель точнаго опредѣленія совершенія пятикратныхъ ежедневныхъ молитвъ. Сочиненіе это предназначено исключительно для мусульманъ Россіи. Въ глазахъ мусульманъ это произведеніе азанчи имѣетъ большое религіозное значеніе, потому что совершеніе молитвы въ назначенное для нея время — есть одно изъ условий дѣйственности молитвы. Таково требованіе мусульманской религіозно-обрядовой теоріи и практики.

138

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

ЛѢ 3.

Служители мечети слѣдятъ за чистотой и порядкомъ внутри ея. Наблюденіе за чистотой и порядкомъ въ мечети возложено на особаго ночного сторожа.

Образованіе въ духѣ ислама мусульмане-татары г. Москвы получаютъ, прежде всего, въ школахъ при мечети. Характеръ этой школы, какъ всякой мусульманской школы, строго и исключительно религіозный. Въ начальной мусульманской школѣ при мечети преподается *только религія*, и главнымъ образомъ — ея образовая сторона, очень обширная и богатая въ мусульманствѣ.

Другихъ высшихъ мусульманскихъ школъ въ Москвѣ нѣтъ: вотъ почему московскіе мусульмане для продолженія образованія ѣздятъ въ г. Казань и поступаютъ тамъ въ медресе, и больше всего — въ Апанаевское медресе. Въ немъ въ настоящее время воспитываются и два сына московскаго ахуна — Хайридина Агѣева: старшій, — Ахмедъ, въ старшемъ отдѣленіи его, другой — младшій, — Гирей, въ младшемъ. Старшій уже проучился въ медресе 6 лѣтъ; да еще ему предстоитъ, какъ онъ самъ говорилъ, столько же.

Кромѣ своихъ мусульманскихъ школъ мусульмане г. Москвы поступаютъ и въ русскія учебныя заведенія ея. Мужчины учатся и въ военныхъ, и въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, именно: въ Московскомъ Военномъ училищѣ, въ Александровскомъ Военномъ училищѣ; въ Московскомъ Императорскомъ университетѣ — на юридическомъ и медицинскомъ факультетахъ, преимущественно же на первомъ. Женщины получаютъ образованіе въ женскихъ гимназіяхъ и Елизаветинскомъ институтѣ.

М. Третьяковъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
I. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА.....	31
II. «СКАЗАНИЕ О НАЧАЛЕ МОСКВЫ»:	
Протагонисты и антагонисты	50
III. «КАРАВАН-САРАЙ» МОСКВА:	
От города к мегаполису (Новые тренды	
и реалии современной урбанизации)	64
БИБЛИОГРАФИЯ	88
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	93
ПРИЛОЖЕНИЕ	96

Фарид Асадуллин

АЗИАТСКАЯ ДОЧЬ ЕВРОПЫ:

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ МОСКВЫ КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДА

Выпускающий редактор *Е. Р. Секачева*
Компьютерная верстка и дизайн *Л. В. Чуйковой*
Корректоры *И. В. Рязанова, Н. А. Натальина*

ООО «Издательство «Кучково поле»
117312, г. Москва, ул. Вавилова, д. 53, к. 1, помещ. 1Н
Тел.: (495) 256 04 56; e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать
Формат 145x215 мм. Печ. л. 6,5
Тираж 2000 экз.

ISBN 978-5-907813-18-2

12+